

A stylized world map composed of a grid of grey dots. Several dots are highlighted in red, indicating specific geographical locations. The map is centered behind the title text.

Шелковый путь, Евразия и Древний Мир

ДИЕТМАР ДИРМОЗЕР
Февраль 2018 г.

- Китайская инициатива «Один пояс – один путь» может воплотить давнюю мечту в серьезный план, а именно, превратить регион между Китаем и Европой, югом России и севером Ирана в мировой экономический и политический центр притяжения. Хотя в регионе все время появляются многочисленные международные игроки, но все же китайские планы являются единственным перспективным предложением для тех стран, чьи структуры веками деформировались из-за их периферийного расположения.
- С момента обретения независимости странами Центральной Азии и Южного Кавказа этот регион переживает стагнацию, и решения проблем развития собственными силами не предвидится. Четыре страны-экспортера сырья не находят выхода из разрушительных экономических и социальных последствий «парадокса изобилия природных ресурсов»; остальные живут на деньги, переводимые их армиями трудовых мигрантов, работающими за границей, не находя выхода из бедности и социального отторжения. Возможности роста и развития в большинстве стран региона блокируются дисфункциональными авторитарными государствами, институциональная структура которых ориентирована на самообогащение и сохранение власти элит.
- Инициатива «Один пояс – один путь» возникла в результате сложных политических и социальных процессов в Китае. Она также затрагивает интересы сложных структур в странах, через которые проходит этот путь, что приводит к рискам управления, которым до сих пор уделялось мало внимания. К тому же она разворачивается в международной среде, где преобладают скептицизм и сдерживающие рефлексии. Поскольку этот масштабный проект имеет шанс только в том случае, если Китай найдет партнеров и союзников, сотрудничество на многосторонней основе в среднесрочной перспективе представляется неизбежным.

Содержание

1. Введение	3
2. Структурные проблемы Центральной Азии, замыслы и концепции для региона	4
2.1 Проблема развития бывших советских республик	4
2.2 Концепции развития региона	7
2.3 Игроки, интересы и планы	9
3. Инициатива «Один пояс – один путь»: двигатель развития для большого региона или политика защиты китайских интересов?	13
3.1 С Востока свет	13
3.2 BRI: угроза для Запада?	15
3.3 Превращение Китая из строптивного игрока в формирующую державу	17
3.4 Конгломерат мотивов и стимулов	18
4. BRI: дискурс и медлительная практика	22
4.1 Глобальные инвестиционные пробелы, китайские финансовые взносы и возможности объединения с глобальными инициативами	22
4.2 Каменистый путь от дискурса к практике	24
4.3 Риски управления вдоль Шелкового пути	26
4.4 Перспективы	29
Литература	31

1. Введение

Без сомнения, Китай сталкивается с гигантскими вызовами. Обеспечение экономики энергоснабжения и сырьем, смягчение экологических последствий двузначных показателей роста, продолжающегося более двух десятилетий, нивелирование возрастающих конфликтных социальных диспропорций – лишь некоторые из них. Для решения своих проблем страна делает ставку на масштабные проекты. Среди них впечатляющие сооружения, такие как самый длинный трансокеанский мост в мире, самый длинный трубопровод, самое высокое здание, самая большая ирригационная система. Но крупные проекты – это также чрезвычайно амбициозные проекты, касающиеся структурных преобразований, инфраструктуры и высоких технологий: для того, чтобы сократить разрыв в уровне благосостояния между побережьем и Западным Китаем, ежегодно, начиная с 1999 года, делаются многомиллиардные инвестиции; Китай располагает самой длинной в мире железнодорожной сетью для высокоскоростных поездов и расширяет ее дальше; самый быстрый суперкомпьютер в мире больше не является проектом, он уже работает в провинции Цзянсу с 2016 г.

Крупное считается современным и престижным, и одновременно рычагом для достижения быстрого успеха. Для того, чтобы добиться быстрого и устойчивого прогресса в развитии, китайские планировщики охотно «нажимают на все педали». Как показывает развитие в последние десятилетия, это отнюдь не привело к серийному производству катастрофических факторов в развитии, поскольку государственное управление и регулирование происходит в рамках хотя и подверженной сильному государственному контролю, но в широком смысле этого слова рыночной системы, в которой регулирование и вмешательство государства привязано к критериям экономической эффективности. (Тен Бринк 2013 г.: стр. 70 и след.)

Тот факт, что крупные проекты Китая – некоторые с бюджетом в сотни миллиардов – все еще могут быть превзойдены, до недавнего времени

казался маловероятным. Однако, чем больше инициатива нового Шелкового пути приобретает форму, тем очевиднее становится, что Китай проникает в новое измерение. Речь идет о проекте с самым крупным в истории объемом инвестиций и самой большой территориальной протяженности. В случае, если, как это планируется инициаторами, в 2049 году, к 100-летию юбилею основания Китайской Народной Республики, проект будет действительно реализован в предусмотренной форме, это может полностью изменить геоэкономические и геополитические структуры мира.

Эта возможность, которую нельзя полностью игнорировать, активизировала защитные рефлексы в западном мире. Многие внешнеполитические стратеги видят в ней усиливающуюся угрозу, потому что они подозревают, что в качестве движущей силы проекта выступает стремление к гегемонии державы с формирующимся рынком, чему можно адекватно противопоставить только политику сдерживания. С другой стороны, различные государства-члены ЕС во главе с Венгрией, Великобританией и Грецией настойчиво предлагают себя в качестве центров инвестиций в проект «Один пояс – один путь». Тем самым восприятие китайской инициативы и строящиеся на этом политические ответы угрожают стать вдвойне размытыми. Прежде чем инвестировать политические ресурсы в сдерживание или блокирование международных инициатив, их стоит внимательно рассмотреть. Точно так же следует сделать, прежде чем позволить силам со стратегическими интересами безоговорочно по своему усмотрению распоряжаться в собственной стране. Иногда просто удивительно, насколько узкой является база знаний о китайской инициативе «Один пояс – один путь», на которой основаны решительные политические позиции.

Данное исследование – ходатайство в поддержку того, чтобы пристальнее рассмотреть ведущие идеи и, прежде всего, потенциал инициативы «Один пояс – один путь», прежде чем высказывать суждения и давать политические ответы. При всех вопросах и обоснованных предубеждениях не следует упускать из вида, что

китайская инициатива преследует не только китайские интересы; она также направлена на решение проблем развития региона между Китаем и Европой, которые могут легко перерасти в дестабилизацию международного положения. Поэтому было бы, безусловно, полезно, чтобы в Европе существовала структура для систематического наблюдения за инициативой «Один пояс – один путь», в том числе для создания предпосылок к тому, чтобы разнообразная, но селективная и гетерогенная аналитическая деятельность приводила к более глубокому пониманию и дифференцированным политическим предложениям. При этом, с учетом пространственной протяженности китайского проекта и большого числа задействованных государств, речь должна идти о предложениях на многосторонней основе. Многосторонний характер инициативы вполне мог бы быть одним из вариантов, потому что инициаторы проекта осознают, что речь идет о международном проекте, который рано или поздно потребует создания многосторонних координационных и регулирующих механизмов.

Подразумеваемым ключевым вопросом, лежащим в основе данного анализа, является вопрос о будущем Центральной Азии и региона Южного Кавказа. Ни один международный игрок, кроме Китая, не сделал для этих стран предложение, в котором бы вообще поднималась тема решения их проблем развития. Структурные дилеммы государств между Китаем и Европой являются отправной точкой для анализа; в заключении показывается, каким образом конкретные проблемы управления в Центральной Азии и на Южном Кавказе могут создавать препятствия для реализации проекта «Один пояс – один путь». Однако основной акцент делается на аспектах проекта «Один пояс – один путь», его структуре и компонентах, его предыстории и скрывающихся за этим мотивах. Внешнеполитические инициативы, тем более такого масштаба, как проект «Один пояс – один путь», обусловлены разнообразными и сложными процессами внутри стран. Лишь в том случае, если они войдут в поле зрения, станет ясной двойственность положения, которую следует ожидать задействованным и заинтересованным странам.

2. Структурные проблемы Центральной Азии, замыслы и концепции для региона

2.1 Проблема развития бывших советских республик

В третьем десятилетии после приобретения независимости бывшими Советскими Республиками в Центральной Азии и на Южном Кавказе¹ прогнозы для этих регионов мира в лучшем случае остаются сдержанно оптимистичными. Признаки надвигающегося кризиса незначительны; с другой стороны, мало что указывает на то, что какое-либо из восьми государств могло бы добиться успеха.

В экономическом плане речь скорее идет об обратном, а не об истории успеха. В начале 1990-х годов из-за прекращения транспортного обслуживания московской головной компанией и ограничения трансграничных цепочек создания

1. Чтобы рассматривать восемь государств Центральной Азии и Южного Кавказа как один регион, требуется установить минимальную меру однородности или сходства. Она имеется, потому что существенное сходство состоит в том, что все восемь государств до начала 1990-х годов были частью Советского Союза, что их исходная позиция в том, что касается экономической и институциональной структуры, имеет много соответствий. Общим у этих государств было также и то, что они были вынуждены в течение многих десятилетий находиться в роли периферийных приграничных регионов. Это определение региона абстрагируется от других факторов, которые могут составлять совокупность. Между государствами Южного Кавказа, Российского Кавказа и (северной) Турции, безусловно, существуют взаимосвязи; в случае стран с окончанием на «стан» есть веские причины принимать во внимание их взаимодействие не только с Южным Кавказом, но и с Ираном, Афганистаном, Северным Пакистаном, западной китайской провинцией Синьцзян и Монголией. Далеко идущее географическое определение Центральной Азии исходит от Фердинанда фон Рихтгофена, географа и исследователя-путешественника 19-го века, который придумал термин «Шелковый путь». Он причисляет к Центральной Азии все те внутриматериковые территории, на которых реки не впадают в какой-либо океан. Определяемый таким образом регион включает в себя Юг России, Монголию, Запад Китая, на юге – Тибетское нагорье, Гиндукуш и иранское высокогорье, и простирается до Черного моря. Политико-культурное определение из более позднего времени еще шире и включает в себя значительные территории России (северная граница проходит по линии Москва-озеро Байкал), Монголии и Китая. См. Барицц (2017 г.: 2 и след.).

Южный Кавказ и Центральная Азия рассматриваются ЮНЕСКО, а также ФАО и МВФ как единое целое. Другие организации ООН причисляют Южный Кавказ к Европе и рассматривают Центральную Азию как географическую и политическую единицу. За объединение Центральной Азии и Южного Кавказа, однако, говорит тот факт, что восемь государств являются частью нового развивающегося большого региона. Там в последние несколько десятилетий с невероятной скоростью развивались многоплановые взаимосвязи. См. раздел 2.2 Концепции развития региона.

стоимости повсеместно распалось не только производство², но и резко снизился уровень благосостояния. Несмотря на некоторый эпизодический рост, кризис переходного периода продолжался до 2000-х годов.

Спад экономики длительное время был отличительной чертой компаний региона. (Falkingham 2005 г.). Неравенство и бедность значительно усилились; по основным социальным показателям, таким как продолжительность жизни, детская смертность и недоедание положение сегодня в некоторых случаях хуже, чем в советские времена. Этому в значительной степени способствовал тот факт, что обвал ВВП сопровождался снижением государственных расходов и послужил поводом для небывалого сокращения государственного обеспечения жизнедеятельности населения. В сферах здравоохранения и образования снизился объем предоставляемых услуг, повысились планки доступа к ним и произошло заметное ухудшение качества.³ Даже годы с высоким экономическим ростом не смогли устранить возникшее на стадии перехода к другой системе социальное отторжение; негативное влияние рецессии в России с 2015 г. усилило его еще больше.⁴ Поэтому не случайно во многих местах можно наблюдать признаки социальной напряженности, которые пока успешно сдерживались преимущественно авторитарными режимами посредством государственного контроля и репрессий. И все же самой сильной реакцией общности Центральной Азии и Южного Кавказа на изменения, произошедшие после обретения независимости, было «голосование ногами». После экономического спада 1990-х годов миллионы людей были вынуждены искать свое счастье за границей.⁵ Каждый пятый житель Центральной

Азии или Южного Кавказа сегодня зарабатывает деньги в России, Западной Европе или странах Персидского залива. В этом регионе от денежных переводов работающих за границей членов семей экзистенциально зависят больше людей, чем где-либо еще в мире. Переводы от трудовых мигрантов составляют настолько высокую долю социального продукта в Таджикистане, Кыргызстане, Узбекистане и Армении, что в случае истощения притока денежных средств их экономики сразу бы рухнули.⁶

Зависимость от денежных переводов от трудящихся-мигрантов является наиболее сильной в тех странах региона, которые не экспортируют энергоносители, и в тех, где экономика к тому же имеет ярко выраженный аграрный характер.⁷ Однако и в Узбекистане, на который приходится не менее 1,8 процента мировой добычи газа (BP 2017 г.: 26), трудящиеся-мигранты должны внести свою долю, составляющую десятую часть социального продукта. Узбекистан связывает с Азербайджаном, Казахстаном и Туркмениста-

По оценкам Всемирного банка (2011 г.: 13, таблица 2), большинство трудовых мигрантов из Центральной Азии и Южного Кавказа направляются в Россию, где иммиграционными властями в 2014 году были зарегистрированы более 11 миллионов иностранцев. К этому добавляются нелегально проживающие и работающие иностранцы, возможно, несколько миллионов. (Die Welt, 07.06 2016 г.) Большинство гастарбайтеров в России приезжают из Центральной Азии и Кавказа.

В экономике Казахстана заняты около одного миллиона сезонных рабочих, в основном нелегалов из соседних стран. См. Дейв (2014 г.).

Между прочим, меньшее, но и не такое незначительное число мигрантов из Центральной Азии и Южного Кавказа последовало привлекательным финансовым предложениям «Исламского государства».

Российский экономический кризис привел к разрыву денежных переводов, начиная с 2014 г., привел к обрушению потока денежных переводов и заставил многих гастарбайтеров вернуться домой; это стало тяжелым бременем для государственных финансов и рынков труда направляющих стран. Уокер/Нарделли (2015 г.).

6. Центральная Азия и Южный Кавказ достигают самых высоких показателей в рейтинге стран с самой высокой долей денежных переводов в ВВП: Таджикистан 42%, Кыргызстан 30%, Армения 18%; см. Всемирный банк (2016а); Грузия 12,0%, Узбекистан 9,3%; см. Всемирный банк (2016 г.).

7. В регионе сосуществуют способы существования с сильным влиянием натурального хозяйства в отдаленных районах и современные, капиталистические способы производства, что приводит к запутыванию и ограничению способов производства и может быть причиной конфликтов. Наилучшим аналитическим подходом к пониманию таких структур по-прежнему остается концепция структурной неоднородности, вытекающая из теории зависимостей. См. Кордова (1973 г.: 26 и след.) К сожалению, этот подход никогда не применялся к странам бывшего Советского Союза с переходной экономикой.

2. Падение ВВП до половины показателей перед приобретением независимости является более значительным, чем это было в США во время Великой депрессии 1930-х годов.

3. Это способствовало самым высоким в мире показателям заражения вирусом ВИЧ в Центральной Азии (наряду с Восточной Европой), в то время как в большинстве частей мира число новых инфекций ежегодно снижается.

4. Наиболее негативное влияние наряду с упадком торговли и инвестиций оказало снижение денежных переводов от трудовых мигрантов из России.

5. Всемирный банк подсчитал, что 14 миллионов человек, которые родились или являются гражданами одной из стран Центральной Азии или Южного Кавказа, проживают за рубежом; это 18 процентов всего населения, а в Армении даже 25 процентов.

ном не только то, что все они щедро наделены природными ресурсами, но и то, что после приобретения независимости сырьевые доходы не используются для развития экономик, обеспечивающих рост, занятость, социальную справедливость, участие в принятии решений и независимость.⁸

Вместо этого образовались некро-экономики (Папава, 2009 г.: 198 и след. 2015) или зомби-экономики (Кавальеро/Хоши/Кашиап 2008 г.: 1 943 и след.), которые из-за колебания цен на сырье легко оказываются в кризисе, то есть страдают от «сырьевого проклятия» (Закс/Варнер 1995 г.). Огромные финансовые ресурсы, которые текли в период высоких цен на нефть и газ в страны-экспортеры энергоносителей в регионе, в значительной степени оседали в великолепных зданиях или престижных, но нерентабельных инфраструктурных проектах, и генерировали коррупцию элит. В социальном положении обездоленных групп населения эта денежная благодать мало что изменила.⁹ Этот факт указывает на то, что Центральная Азия и Южный Кавказ и в политическом смысле все еще далеко не самые успешные регионы. Давно лелеемые на Западе ожидания, что в новых государствах чуть ли не неизбежно возникнут функционирующие демократии, оказались ошибкой. Вместо этого появились дисфункциональные автократические государства, институциональная архитектура которых нацелена на самообогащение и удержание власти элитных сетей, и которые не заинтересованы ни в экономическом развитии, ни в достаточном обеспечении населения.¹⁰ Исключения составляют Грузия и Кыргызстан, которые классифицируются в соответствующих рейтингах как «дефектная демократия» (Грузия), или как «существенно дефектная демократия» (Кыргызстан); другие государства между Россией,

Китаем, Ираном и Турцией значатся как «жесткие автократии».¹¹

Клептократические автократии лишают общество дефицитных ресурсов путем их частного присвоения и экспатриации; они обеспечивают стимулы для неправильного распределения ресурсов и минимизируют способность государства к управлению. Тем самым они ослабляют динамику рынков и блокируют созидательный потенциал экономических и социальных игроков. Поэтому клептократические автократии обречены на длительный застой, однако не обязательно на распад. Социально-экономический застой может длиться долго, если удастся наделить законным статусом авторитарные властные структуры, и особенно если эмиграция играет роль выпускного клапана для смягчения социальной напряженности. Между тем в большинстве стран Центральной Азии и Южного Кавказа экономические и политические отношения сложились таким образом, что собственными силами страны вряд ли найдут пути преодоления своих структурных проблем и проблем развития, сокращения бедности и социального отторжения, не говоря уже о создании приемлемых жизненных возможностей для желающих вернуться трудовых мигрантов. За исключением Казахстана, который считает себя авторитарным развивающимся государством, и Грузии, которая с помощью Запада пытается стать рыночной демократией, элиты региона не располагают ни движущей силой, ни концепцией, способных серьезно изменить статус-кво.

Извне каких-либо решающих импульсов также не ожидается. Действительно, в регионе мельтешат разные международные игроки. Но никто из них не готов или не является настолько сильным, чтобы в достаточной степени участвовать финансово и политически, и тем самым начать структурные изменения. В целом создается впечатление, что Центральная Азия и Южный Кавказ к тому же

8. Эти цели образуют «волшебный пятиугольник развития». См. Нолен/Нушелер (1982 г.: 55).

9. Между тем различия между отдельными государствами значительны, начиная от типа деспотического государства наподобие опереточной диктатуры семьи Рахмона в Таджикистане, и кончая типом развивающейся диктатуры а-ля Казахстан, который более институционализирован и располагает механизмами достижения консенсуса. Такие режимы способны ради сохранения социального мира принимать в расчет положение населения и возможности корректирования несправедливых структур распределения.

10. Подробно о теме коррупционного государства см. Раздел 4.3.

11. В индексе стран переходного периода Армения значится как «умеренная автократия». Для сравнения, Фонд Бертельсманна (2016 г. 21): Freedom House – организация, которая в течение многих лет разрабатывает наиболее авторитетные индексы о состоянии демократии в мире, причисляет все пять центрально-азиатских государств и Азербайджан к «консолидированным авторитарным режимам», Армении – к «полу-консолидированным авторитарным режимам». Грузия относится к категории «гибридных режимов» (см. Freedom House 2017 г.).

находятся в своего рода движении в сторону. Нет ни решительного движения вверх, ни угрожающего движения вниз. Экономическое развитие переживает стагнацию, а социально-политический прогресс не заметен, поскольку доходы роста распределяются неравномерно и тратятся впустую. Авторитарные политические режимы закрепились и ориентируются на сохранение статус-кво. Внешние игроки не имеют в своем багаже ни концептуальных, ни финансовых предложений, которые могли бы способствовать отправлению к новым берегам. О том, почему это предложение лишь условно касается Китая, мы будем еще говорить более подробно.

2.2 Концепции развития региона

Исторически прогресс или регресс в регионе между Югом России, Китаем, Ираном и Черным морем всегда зависел от внешних факторов. Там проходила сеть Шелковых путей, в сфере влияния которых произошла «как бы мы сказали сейчас, глобализация» (Камманн 2017 г.). За полтора тысячелетия существования Шелковых путей развитие во многих местах определялось событиями, происходившими в отдаленных точках маршрутов. Историк Питер Фракопан убежден в том, что со времени возникновения первых цивилизаций до сегодняшнего дня изменения крупных международных коалиций поддаются пониманию только в том случае, если принимаются во внимание и Китай, и регион между Китаем и Европой. При этом оказывается, что, несмотря на все взаимодействия, исторически важнейшие импульсы развития для западной цивилизации в основном приходили с Востока. Франкопан уверен, что в будущем это проявится даже больше, чем когда-либо, хотя бы потому, что мировые центры власти будущего будут располагаться к востоку от Европы. (Франкопан 2016 г.: 552 и след.).

Проходящее через Кавказ и Центральную Азию сообщение между Европой и Китаем с дохристианских времен сделало возможным интенсивный обмен между Востоком и Западом, и не менее интенсивный обмен между Западом и Востоком товарами, технологиями и идеями, но при этом способствовало, например, распространению

эпидемий. Взаимодействие способствовало многочисленным инновациям и представляло собой своего рода программу развития для многих регионов, располагающихся в непосредственной близости к Шелковому пути. Затем в 15 веке османы завоевали Константинополь и вместе с торговыми путями прервали также интенсивное взаимодействие между Европой и Азией.¹² Юг России, Центральная Азия и Южный Кавказ в экономическом и всемирно-историческом плане все больше оказывались на периферии сначала Османской империи, а в 19 веке – в результате российской экспансии на Юг – Российского царства. Для последнего этот регион никогда не был ничем другим, как отдаленным колониальным форпостом посреди называемых Туркестаном обширных нецивилизованных территорий. В периферийном положении ничего не изменилось и после включения большевиками Центральной Азии и Кавказа в состав Советского Союза. Но советские стратеги развития с 1930-х годов по соображениям безопасности стали уделять больше внимания южной и восточной пограничной стране, приблизив ее к общему государству, насаждая русификацию и создавая сравнительно щедрые системы социального обеспечения, образования и здравоохранения. Параллельно они все больше и больше замыкали границы на юг и особенно на восток. Когда Китай в 1960-х годах вышел из руководимого Россией коммунистического блока, граница между двумя странами полностью превратилась в почти непроницаемую, охраняемую сильными вооруженными силами демаркационную линию. (Трипати 2012 г.: 95 и след.)

Изоляция и превращение в периферию Центральной Азии и Южного Кавказа на всем протяжении последних столетий представляют собой развитие, обратное предполагаемой Франкопаном и другими исторической тенденции. Но она, как утверждает, рано или поздно пробьет себе дорогу, потому что природные предпосылки и различные социально-экономические факторы способствуют сравнимому с физическим притя-

12. Это побудило государства на Западе Европы искать альтернативных морские пути. В этом преуспели Португалия и Испания, которые до тех пор находились тени экономически мощных Венеции и Генуи, в конечном счете обязанных своим богатством Шелковому пути.

жением масс притяжению между Китаем и Европой, которое в конечном счете должно трансформировать располагающийся между ними регион. Соблюдение границ, правовой статус и международные соглашения не смогут этого предотвратить в длительной перспективе. Франкопан приводит целый ряд косвенных признаков, свидетельствующих о том, что процесс смещения мирового гравитационного центра в переходный регион между Европой и Азией уже идет полным ходом. Вооруженные конфликты, трансформационные процессы и перевороты в обширном регионе он рассматривает как «родовые схватки нового региона». И из-за уплотнения и усиливающегося взаимодействия в названном регионе возникает ни больше ни меньше «новый мировой порядок». Примечательно, что прогнозы военных и внешнеполитических стратегов в США и Европе также выдержаны в этом русле.¹³

Понятие региона, которое используется сторонниками этого тезиса, не является концепцией с твердым теоретическим и эмпирическим фундаментом. Оно основано на том соображении, что за юридически фиксированными суб- или наднациональными учреждениями и за традиционными географически определенными регионами имеются территории, которые могут рассматриваться как субъекты и которые определяются посредством реальных связей, сделок и взаимодействия внутри них. Эти территории могут простираются за пределы государств или наднациональных областных учреждений, а также природных территорий. Французские федералисты 1960-х годов использовали это как повод для разработки концепции интеграции, ставящей на центральное место не национальное государство, а регион. Но даже в дебатах 1960-х годов понятие региона не является завершенной концепцией. Как и Франкопан, федералисты, такие как Дени де Ружмон, считают, что в ее основе лежит мысль о том, что

регионы являются территориями интенсивных сделок и взаимодействия на экономическом, социальном, культурном и политическом уровнях. Однако разграничение столь многомерных, тесно связанных территорий с другими представить сложно; это происходит с помощью предположений, впечатлений и исторических аналогий, причем скорее интуитивно, чем систематически.¹⁴

Мысль о том, что на границе раздела между Европой и Азией всегда существуют наиболее благоприятные предпосылки для образования экономических и политических центров притяжения, и что это лишь вопрос времени, когда сможет созреть историческая необходимость их формирования, всплывает в течение длительного времени и в различной форме в научных, политических и стратегических дебатах. Вариант, который в прошлом веке в существенной мере обращал взгляд на регион, принадлежит британскому географу Хэлфорду Макиндеру. Он впервые представил его в 1904 году во время лекции в Королевском географическом обществе перед научной и политической аудиторией. Его подход продолжает влиять на стратегические концепции внешней политики во многих местах. По Макиндеру Евразия является динамичным центральным районом (в самом сердце) Европы и благодаря своему географическому положению и природным ресурсам таит в себе прямо-таки сказочный потенциал, который, если он будет когда-то использован, сможет обосновать превосходство континентальных держав Евразии над морскими державами. Макиндер ожидал, что главным действующим лицом такого развития событий будет Россия, проигравшим – Великобритания, техническим средством – железные дороги (которые сделали возможным создание мобильных вооруженных сил наземного базирования), и что из-за слияния континентов Центральная Азия и Кавказ

13. В США напряженность, вызванная появлением крупной державы, способной бросить вызов традиционной державе, обсуждается под условной темой «ловушка Фукидида». В Администрации США многие сомневаются в том, будет ли Китай играть его будущую роль в качестве мировой державы ответственно и с соблюдением правил международного порядка (см. также примечание 32). Во внешнеполитическом сообществе в Германии, где есть тенденция сначала вести диалог по каждой международной проблеме, неформально все чаще звучит требование о том, что Германия или ЕС должны «выразить собственную точку зрения в геополитическом плане».

14. Вместе с тем это понятие региона вполне может быть эмпирически подкреплено, например, ссылкой на Никласа Луманна, занимающегося изучением проблемы определения границ. Его определение границы между системой и ее окружением как «перепад комплексности» сделать полезным без излишнего использования индикаторов для эмпирических исследований. Но для этого должны быть по-другому агрегированы ограниченные временем – например, народнохозяйственные – записи данных. – Системы замкнуты на себе; это означает, что операции внутри системы присоединяются друг к другу. Из-за этого возникает перепад комплексности, который образует границу между системой и окружением. См. Луманн (1991 г.: 52 и след.).

поднимутся на уровень нового важного региона. (Макиндер 2004 г.: 311 и след.)

Опираясь на Маккиндера, в 1990-е годы Збигнев Бжезинский, советник нескольких президентов США по внешнеполитическим вопросам, в ходе внешнеполитических дебатов содействовал известности тезиса о том, что Евразия является шахматной доской, на которой будет происходить борьба за мировое господство, так сказать, новая редакция «Большой игры», в которой Россия и Великобритания в 19-м веке боролись за господство в Центральной Азии. В нынешней дискуссии, согласно Бжезинскому, необходимо поддерживать превосходство США над Россией и Китаем, и прочно интегрировать Центральную Азию в сферу собственных интересов. При этом имеются в виду три цели: а) обеспечение возможностей влияния на конфликты, которые имеют отношение к безопасности региона в целом, б) возможность форсировать борьбу с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью непосредственно в горячих точках, и в) обеспечение возможности доступа к богатым запасам сырья в регионе. В этой связи неизбежна жесткая конфронтация с Россией и Китаем, которая становится все более важным фактором, поскольку это игра с нулевой суммой; позиционное преимущество одного игрока всегда достигается за счет других. (Бжезинский 2001 г.: 17 и след.)

Однако, несмотря на рекомендации Бжезинского, для США регион между Китаем и Черным морем по-прежнему имел второстепенное значение по той простой причине, что новая «Большая игра» не состоялась. Вместо борьбы крупных игроков дело дошло только до точечных споров. Основным направлением североамериканской позиции после распада Советского Союза является сохранение статус-кво и предотвращение распространения или обострения конфликтов. Лишь вопрос ликвидации ядерного и других видов оружия Советского Союза, которые оставались в новых странах, позволил на короткое время обратить внимание на регион. Программы содействия демократии должны были помочь завершить якобы и без того неудержимый процесс демократизации.

Однако исключением задолго до 11 сентября 2001 года был Афганистан, где США предприняли решающие шахматные ходы, чтобы ограничить власть Советского Союза. Бжезинский хвастался много лет спустя, заявляя, что по его совету США в 1979 году начали поддерживать исламских боевиков в борьбе против правительства левых в Афганистане и таким образом заманили Советский Союз в «ловушку» интервенции в Афганистан. (Бжезинский 1998 г.). Военные действия у горы Гиндукуш в течение десяти лет, вплоть до 1989 года, не только связывали значительные ресурсы и тем самым ограничивали способность Советского Союза к военно-политическим действиям, но и закончились сокрушительным поражением, оказавшим негативное воздействие на последующую способность России проводить в жизнь свои намерения.

2.3 Игроки, интересы и планы

В регионе действуют разного рода игроки с различными интересами. Наряду с крупными державами, такими как Россия, Китай, США и Европейский Союз, свое влияние в меньшей степени стремятся оказывать Турция, Иран и государства Персидского залива; Индия и Пакистан также пытаются обозначить свое присутствие. Некоторые игроки уже имеют уходящие в далекое прошлое исторические и культурные связи со странами региона. Но их дипломатическое и финансовое участие слишком ограничено, чтобы оказывать эффективное влияние.

Крупные игроки располагают разработанными политическими концепциями, которые реализуются с большим или меньшим использованием средств. Спектр их интересов колеблется от создания возможностей доступа к энергетическим и сырьевым ресурсам региона посредством освоения экспортных рынков и до широкого круга интересов безопасности. Он включает в себя, наряду с со смягчением конфликтов, которые угрожают статус-кво, и борьбу с наркотиками, потому что в этом регионе, в Афганистане, находится крупнейший в мире район, где производятся опиум и героин, а также находится интенсивно используемая транзитная зона

наркотиков¹⁵. Кроме этого, к интересам безопасности относится (превентивная) борьба с терроризмом, потому что многие исламистские боевики – в том числе поразительное число террористов-смертников – родом из Центральной Азии и Кавказа (Уинтер 2017 г.), хотя (или потому что) странам до сих пор удавалось сдерживать влияние радикальных исламистских организаций.¹⁶

США

В случае США все, что делалось с 2001 г. вокруг Афганистана, в первую очередь служило фланговым прикрытием военной операции. Кроме этого, Соединенные Штаты преследуют геополитические интересы в энергетическом секторе и стремятся ограничить растущее влияние России, а также Китая. Но все это происходит без решимости и определенности и, прежде всего, без использования соответствующих ресурсов, хорошим примером чего, среди прочего, является инициатива Шелкового пути, выдвинутая Хиллари Клинтон осенью 2011 г. (Манкофф 2013 г.). Проект, который посредством укрепления экономических связей в регионе (за исключением Китая) должен был способствовать развитию Афганистана и его соседей, являющихся союзниками США, никогда не воспринимался серьезно и провоцировал на саркастические замечания даже комментаторов, которые доброжелательно относились к Администрации США.¹⁷ Во время

15. На Афганистан приходится 90 процентов мирового производства опиума, значительная часть которого перерабатывается в героин. Треть производства попадает в страны-покупатели по транзитным маршрутам через Центральную Азию. Таджикистан является важнейшим транзитным транспортным узлом. Исследования показывают, что в сделках замешаны и государственные органы. Наблюдатели считают, что таджикский режим является диктатурой, в значительной степени базирующейся на торговле наркотиками. См. Паоли/Рабков/Гринфилд/Ройтер (2007 г.); The Economist 2012 г.; Кучера (2014 г.).

16. Концепция контроля и ограничения деятельности исламских организаций, а также жестких репрессий в отношении каких-либо признаков политизации до сих пор была успешной. И все же наблюдатели опасаются, что это может спровоцировать недовольство больших групп, которое рано или поздно станет политизированным и может привести к дестабилизации авторитарных режимов.

17. Так, Стивен Бланк, в свое время старший научный сотрудник Американского совета внешней политики, называл инициативу США «Шелковый путь» «бюрократическим и политическим блефом». Бланк (2015 г.). В грузинских отделившихся провинциях и в молдавском Приднестровье размещение войск открыло для

своего пребывания на посту министра иностранных дел (2013 по 2017 гг.) Джон Керри стремился активизировать отношения с центрально-азиатскими республиками посредством челночной дипломатии и создал формат С5+1 для консультаций на уровне министров иностранных дел. При Трампе эти подходы не были продолжены и все программы, кроме военного сотрудничества, были остановлены. На Кавказе США расширили отношения с Грузией до привилегированного партнерства.

Россия

Через многостороннее сотрудничество по вопросам безопасности и экономической интеграции Россия пытается восстановить влияние и возможности контроля в своих бывших союзных республиках и усилить свои позиции в регионе. Согласно заявлениям, это делается для ослабления западного влияния в регионах вблизи российской границы, и одновременно из-за скрытой конкуренции с Китаем, являющимся в настоящее время наиболее важным союзником России, который благодаря своему экономическому превосходству де-факто понизил Россию до ранга младшего партнера.

В разделении труда между обеими странами Китай оставляет России роль политического гаранта безопасности. Россия содержит десять военных баз в Центральной Азии и на Южном Кавказе, три из которых находятся в сепаратистских областях.¹⁸ В рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которую входят Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и Армения, Россия организовала совместный

России возможность в любое время реактивировать замороженные сепаратистские конфликты. Посредством этого может оказываться давление на заинтересованные страны и, возможно, на их соседей. Армения вновь зависит от доброй воли России в связи с конфликтом между Нагорным Карабахом и Азербайджаном. Россия, поддерживающая с Азербайджаном такие же хорошие отношения, как и с Арменией, и поставляет вооружения обеим сторонам, гарантирует статус-кво. По настоянию России Армения ослабила связи с ЕС; в такой ситуации стране не остается ничего другого, как безропотно терпеть российское военное присутствие.

18. Две базы расположены в Армении, две – в Кыргызстане и одна – в Таджикистане. Все они не только авиабазы, там размещены и боевые части.

корпус сил быстрого реагирования и вместе с другими членами регулярно проводит военные учения. Альянс, который первоначально был задуман как противовес НАТО, из-за внутренних распри (Грузия, Узбекистан и Азербайджан уже вышли из него до начала нового тысячелетия, Туркменистан довольствуется ролью наблюдателя) и своей очевидной неспособностью урегулировать конфликты все больше оказывается тупым оружием.¹⁹

Хотя членов ОДКБ связывает заинтересованность в сдерживании конфликтов в регионе, предотвращении распространения исламистских движений, а также в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью, России не удалось создать полноценные коллективные структуры. Государства-члены неохотно проявляют готовность отказаться от возможностей контроля или даже от права на суверенитет. У России не хватает средств давления, чтобы сподвигнуть своих партнеров к вступлению или подчиненности; трудно даже удержать существующих членов; с момента своего основания ОДКБ продолжает сокращаться.

ОДКБ означает для интеграции политики безопасности то же самое, что Евразийский экономический союз (ЕВС) означает для экономической интеграции. Созданию этой организации в 2014 году предшествовал ряд российских интеграционных инициатив. Сегодня этот союз, который включает в себя всех членов ОДКБ за исключением Таджикистана, располагает бюрократическим аппаратом с 1200 сотрудниками и арбитражем для разрешения споров. Хотя Россия любит сравнивать ЕВС с ЕС, пока он лишь немногим больше, чем фрагментарная зона свободной торговли с правилами исключения для различных товаров. Однако – аналогично ЕС – запланирована гармонизация правил и стандартов для движения

капитала, услуг и труда, а также предусмотрена координация экономической политики. ЕВС представляет для России важную площадку для развития ее экономических отношений и заключения экономических или торговых соглашений. Так, на уровне ЕВС осуществляется координация с Китаем в отношении китайской инициативы «Один пояс – один путь». Однако энтузиазм и участие других государств-членов ограничены, потому что Россия играет доминирующую роль в процессах принятия решений и защищает свои интересы в случае сомнения. (Старр/Корнелл, 2014 г.).

В целом России не удалось интегрировать государства региона ни в свой геополитический, ни в геоэкономический проект. Украина, Грузия и Молдова делают ставку на сотрудничество с ЕС вместо российских интеграционных подходов; Узбекистан и Туркменистан хотя и не стремятся к отношениям с ЕС, но при этом не участвуют ни в ОДКБ, ни в ЕВС. Таджикистан твердо отказывается от вступления в ЕВС. Страны-члены обеих организаций сотрудничают неохотно и пытаются как можно меньше ограничивать свой суверенитет и свободу действий в области внешней политики. Также прошли те времена, когда Россия могла использовать свою доминирующую роль в энергетической политике в качестве рычага. Проходящая с юга на север трубопроводная сеть, которая вынуждала страны региона тесно сотрудничать с Россией при возрастании стоимости ее энергетического сырья, уже давно расширена путем прямого сообщения Запад-Восток в Китай и сообщения Восток-Запад в Европу. Страны-экспортеры энергоносителей региона значительно диверсифицировали свои рынки, и страны транзита, такие как Украина, продемонстрировали уязвимость России. Чтобы урезонить неудобных партнеров, Россия иногда использует долги, которые страны имеют перед Россией, в качестве средства давления, привлекает новыми кредитами или угрожает отправить на родину более крупные контингенты трудовых мигрантов (Кулей 2017 г.). Для давления Москва также использует сепаратистские движения. В случае Грузии Россия разместила войска в сепаратистских провинциях Абхазия и Южная Осетия, а также оказывает экономическую и политическую под-

19. Так, в 2010 г. руководство ОДКБ отклонило просьбу киргизского правительства оказать помощь в урегулировании этнической конфронтации между киргизами и узбеками на Юг Киргизстана. ОДКБ также отклонила поддержанную Белоруссией просьбу Таджикистана в 2012 г., чтобы Организация вмешалась в конфликт с повстанцами в Горно-Бадахшанской автономной области. Меньше разногласий возникает лишь в вопросе борьбы с террористическими организациями. Но при этом последние военные учения по борьбе с терроризмом в мае 2017 г. в Таджикистане координировались антитеррористическим центром Сообщества Независимых Государств в Бишкеке, а не ОДКБ.

держку непризнанным на международном уровне де-факто правителям; по той же схеме Россия действует в Приднестровье и в украинских Донецке и Луганске.²⁰

Европа

По сравнению с Россией Европа подает себя прямо как самоотверженный игрок, потому что для стран ЕС регион не является ни горячей точкой, ни основным географическим направлением сотрудничества. Деятельность ЕС и отдельных европейских стран в первую очередь направлена на поддержание политической стабильности, а также на предупреждение притока беженцев и случаев терроризма. Озабоченность тем, что исламистские движения могут усиливать свое влияние, гарантирует определенное внимание этому региону, но в рейтинге внешнеполитических приоритетов они находятся далеко позади очагов пожара на Ближнем Востоке, в Южном Средиземноморье и в Донбассе.

В меньшей степени Европа использует регион для диверсификации своего энергоснабжения. Инвестиционные и торговые отношения вопреки высоким ожиданиям оставались в 1990-х годах на низком уровне. Однако определенную роль для участия в регионе играет фланговое прикрытие миссии НАТО в Афганистане. Инструментом при этом является сотрудничество в целях развития; хотя Европа является самым мелким из крупных игроков в регионе, страны ЕС являются важными спонсорами.

Европейская политика в Центральной Азии по-прежнему руководствуется положениями стратегического документа 2007 г., который был продлен в 2015 г. Хотя европейская стратегия устанавливает связь между стабильностью и

безопасностью с одной стороны и устойчивым развитием, борьбой с бедностью, укреплением демократии и защитой прав человека с другой (Европейское Сообщество, 2007 г.), усилия государств-членов ЕС в этих областях были неудовлетворительными, а груз проблем усиливался. Как говорится в одном из анализов ЕС²¹, последние восемь лет деятельность ЕС в Центральной Азии давала «ограниченный и даже нулевой эффект». Соображения, высказываемые в штабах внешнеполитического планирования, дают основания ожидать, что в планируемом на 2019 г. новом издании европейской стратегии в Центральной Азии сдерживание возрастающего китайского влияния и содействие стабильности и безопасности будут играть центральную роль.

Для трех государств Южного Кавказа ЕС с концепцией Восточного партнерства в рамках европейской политики добрососедства располагают значительно более дифференцированным и в финансовом плане лучше обеспеченным инструментом, в котором также участвуют Беларусь, Молдова и Украина. Однако Грузия является единственной из трех стран Южного Кавказа, заключившей соглашение об ассоциации и о свободной торговле. У Армении и Азербайджана готовность к выполнению условий, а именно реализации частей каталога норм ЕС, гораздо менее выражена, не в последнюю очередь потому, что обе страны в большей степени зависят от России и в долгосрочной перспективе так же не стремятся к членству в ЕС.²²

Китай

За последние 25 лет Китай стал важнейшим экономическим фактором в Центральной Азии и на Южном Кавказе. Уже давно Китай является

20. Некоторые западные комментаторы видят причину тяги России к интервенции в областях с частично русским населением по ту сторону своих границ в «ирредентическом национализме». Согласно этой идеологии «русский мир» охватывает все те регионы (в том числе по ту сторону государственной границы), в которых говорят по-русски. Перед российским государством стоит задача заботиться об этих группах и возможно вернуть их домой путем присоединения территорий к России. В связи с присоединением Крыма Путин говорил о том, что Россия является самой крупной разделенной нацией.

21. Также высказывается недовольство, которое можно объяснить недостаточной серьезностью, по поводу того, что отсутствуют план действий, оценки и индикаторы. См. Генеральный директор по внешней политике/департамент политики (2016 г.)

22. Россия взяла на себя роль арбитра в нагорно-карабахском конфликте и снабжает обе страны оружием. Ни одна из обеих стран не может себе позволить рассердить Россию путем сближения с Западом. В случае Армении российское давление помешало заключению уже готового соглашения об ассоциации и свободной торговле с ЕС; вместо этого Армения вступила в ЕВС. И все же соглашение с ЕС было подписано в усеченной форме.

крупнейшим торговым партнером и кредитором в большинстве стран региона. В Казахстане у Китая сильные позиции в энергетическом секторе, он выкупил западные компании и сломал российское доминирование. Точно так же ситуация выглядит в Туркменистане, где сконцентрированы 10 процентов мировой добычи газа и где Россия играет лишь незначительную роль. Для малых соседних стран Китая на западной стороне Тянь-Шаньских гор – Кыргызстана и Таджикистана – китайские инвестиции в настоящее время необходимы для выживания. Грузия снова тесно сотрудничает с Китаем, стремясь стать центральным транспортным узлом китайской торговли с Западом, а Узбекистан надеется получить преимущества от перевода грязных и трудоемких отраслей, в том числе в качестве транзитной страны для китайского экспорта в Европу.

Китай является не только доминирующей торговой державой региона, но и имеет все шансы подняться до уровня задающего тон инвестора. Он потеснил Россию во всех ключевых областях и вовлек бывшие советские республики в сферу своего влияния, а у Кремля не было сил что-либо этому противопоставить. Хотя Китай использует свою мощь скорее дискретно и не ставит под сомнение роль России как гаранта безопасности в регионе, но в конечном счете, политические стратегии Москвы вряд ли удовлетворятся подчиненной ролью. В Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)²³ Китай пытался закрепить свое экономическое превосходство в многостороннем плане путем расширения экономической компетентности, но это было предотвращено Россией. Между тем, Россия и Китай договорились координировать вопросы ЕВС и китайской инициативы «Один пояс – один путь» на уровне ЕВС.

Балансирование влияния

Поскольку ни один из международных игроков не является доминирующим, поскольку они кон-

курируют друг с другом и присутствуют все во всех странах, страны региона могут лавировать между внешними партнерами и тем самым избежать слишком сильной зависимости от каждой из них в отдельности. Странам-экспортерам энергоресурсов удалось привлечь в страну инвесторов, расширить производство и одновременно удерживать контроль над энергетическим сектором (Николсон 2012 г.: 16 и след). Даже малым странам по-прежнему удается уклоняться от попыток оказания влияния или применения давления со стороны крупных игроков. Страх в конечном счете превратиться в вассальное государство великой державы явно присутствует среди элит всего региона; поэтому все страны более или менее ясно усвоили доктрину «многовекторной внешней политики» казахского президента Назарбаева. Безусловно, правительства региона в состоянии предотвращать попытки манипулирования; различные авторы даже считают, что они якобы сами научились манипулировать своими партнерами по сотрудничеству.

Таким образом, центральной проблемой является не геополитическое господство или зависимость. Кажется, что все игроки приспособились к нынешней ситуации равновесия. Глядя на другие горячие точки в мире, никто не хотел бы инвестировать энергию и ресурсы в изменение статус-кво за исключением незначительных инициатив или конфликтов. Но если внутренние условия стабилизировались, а внешние воздействия в значительной степени нейтрализуются, то возникает вопрос, каким образом регион может выйти из нынешней ситуации застоя.

3. Инициатива «Один пояс – один путь»: двигатель развития для большого региона или политика защиты китайских интересов?

3.1 С Востока свет

Вот уже несколько лет Китай придает новый импульс развитию стран между его западной границей и Черным морем. Народная Республика не только имеет видение для региона, но и присту-

23. ШОС вышла из Шанхайской пятерки и была первоначально китайской инициативой для урегулирования спорных пограничных вопросов между Китаем, Россией и четырьмя странами Центральной Азии. К настоящему времени в нее были приняты Индия и Пакистан.

пила к работе над его претворением в жизнь, инвестируя много денег и прилагая значительные дипломатические усилия.

Когда Председатель КНР Си Цзиньпин в 2013 г. на международных форумах начал пропагандировать свой проект нового Шелкового пути, большинство западных наблюдателей посчитали его заявления чистой риторикой. Но Китай начал сосредотачивать свой экономический и политический дискурс на проекте «Один пояс – один путь», агитировал за свой план с впечатляющей дипломатической активностью и инвестировал миллиарды в участки инфраструктуры новых экономических коридоров Шелкового пути. И теперь международные компании, многонациональные организации и правительства большинства стран к заявлениям Китая относятся очень серьезно.

Планы нового шелкового пути первоначально позиционировались под аббревиатурой OBOR (One Belt, One Road, как сокращенная форма от: Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road) (Один пояс – один путь, как сокращенная форма от: Экономический пояс шелкового пути и Морской шелковый путь 21-го века). Но так как эта формула оказалась сложной и неоднозначной – ведь в проекте речь не идет ни о поясе, ни об отдельном пути – официальное название было изменено. Теперь оно звучит – хотя и не менее неоднозначно – «Belt and Road Initiative» (BRI), и в последующем на него делается ссылка как на инициативу «Один пояс – один путь» или BRI.

В сжатом виде проект включает в себя развитие ряда трансграничных экономических коридоров. Они должны возникнуть за счет строительства или модернизации дорожного сообщения, шоссейных дорог, скоростных железнодорожных линий, портов, аэропортов, трубопроводов, электростанций, электрических сетей и сетей передачи данных, а также других элементов инфраструктуры. Производственные мощности в коридорах и вокруг них должны быть значительно расширены посредством принятия отраслевых мер и инвестиционной политики, например, создания технопарков.

По представлениям планировщиков из коридоров должна сформироваться плотная и комплексная логистическая, транспортная и производственная сеть, которая будет охватывать Китай, Центральную Азию, Монголию, Россию и Европу, связывать с Восточной, Юго-Восточной и Средней Азией, а ее разветвления достигнут Африки и Латинской Америки. Это превратит Евразию в интегрированное и сопряженное пространство, возникнет новый центр силы мировой экономики и экономическая ось сместится из евроатлантической области в Евразию.

Китайские официальные лица не устают подчеркивать, что инициатива «Один пояс – один путь» не является направленным против Запада геэкономическим наступлением, а вносит вклад в общее мировое благо, так как предложение глобальных общественных благ будет расширяться. Благодаря огромным инвестициям будет также укрепляться глобальный рост, а за счет мобилизации и вовлечения маргинальных регионов будут возникать импульсы для развития. Гигантский масштаб предусматриваемых инвестиций – предположительно Китай планирует на неопределенный период проекты на общую сумму от 4 000 до 8 000 триллионов долларов США (Штайнбок 2017 г., The Economist 2016 г.) – ясно указывает на то, что китайские устремления вызовут далеко идущие структурные изменения международной системы.²⁴ Некоторые комментаторы сравнивают проект с планом Маршалла²⁵, другие говорят о гигантском Новом курсе; The Financial Times вообще восхваляет BRI как «крупнейшее инвестиционное наступление, когда-либо инициированное отдельно взятой страной за рубежом» (Ханкок 2017 г.). Кроме того предполага-

24. Для сравнения: США являются страной, которая осуществляет самые крупные прямые инвестиции за рубежом и получает из-за рубежа. Каждый год к имеющимся запасам прибавляются в обоих направлениях около 300 млрд. долл. США (см. Джексон 2017 г.)

25. Сравнение с планом Маршалла США, который после Второй мировой войны внес существенный вклад в восстановление разрушенной войной Европы и привел в движение цикл самоподдерживающегося роста, в большинстве случаев не признается китайскими комментаторами. Инициатива BRI не только намного объемнее, но, в отличие от североамериканской, не рассчитана на экономическое доминирование; кроме того, она не предусматривает интеграцию в блок государств. План Маршалла заложил основы для создания НАТО и вскоре – неважно, планировалось ли это изначально или нет – стал центральным элементом политики сдерживания коммунизма. Президент Трумэн: План Маршалла и НАТО – это «две половинки одного грецкого ореха».

ется, что различные индивидуальные проекты из портфеля BRI также достигают рекордных масштабов: так, коридор от китайской западной провинции Синьцзян до глубоководного порта Гвадар в Пакистане оценивается в 54 млрд. долларов США, а в последнее время обсуждаются еще более крупные проекты.

Суммы инвестиций и все другие показатели уже впечатляют одними лишь размерами: в проект BRI непосредственно вовлечены 65 стран; многие другие находятся в сфере его влияния. Одни лишь непосредственно участвующие страны с четырьмя миллиардами жителей составляют 40 процентов населения мира, на них приходится треть мирового производства товаров и 35 процентов мировой торговли; в сфере действия BRI находятся три четверти мировых энергетических ресурсов (Марблер/Шан 2017 г.: 2). Появляющиеся до сих пор в международном контексте китайские официальные лица теперь превозносят свою инициативу как «проект века» (Си Цзиньпин), заметьте, не только Китая, а мира.

3.2 BRI: угроза для Запада?

Что касается инициативы «Один пояс – один путь», без сомнения, речь идет о проекте, который может существенно изменить экономику мира и международные торговые отношения. Наблюдатели видят, что на нас надвигаются «тектонические разломы», которые могут переменить международную расстановку сил и многостороннюю институциональную структуру. При этом в штабах планирования западных министерств иностранных дел и обороны, а также во многих мозговых центрах вызывает беспокойство связанная с проектом возможность смещения центральных геоэкономических осей.

В настоящее время США и Азия, Европа и США, а также Европа и Китай создают отдельные сферы обмена и сотрудничества. В двух из трех, а именно, в трансатлантическом блоке и транстихоокеанском партнерстве доминирующее положение занимают США. BRI подразумевает слияние Европы и Азии вдоль маршрутов Шелкового пути в единый Евразийский блок, обладающим

потенциалом для того, чтобы стать динамичным центром мировой экономики. Тем более потому, что посредством сообщения по морским участкам Шелкового пути к этому блоку должны примкнуть и страны Индийского океана вплоть до Северной Африки. Необходимым следствием такого развития была бы потеря власти США и потеря влияния альянсов во главе с США.

Довольно преждевременной реакцией на такие тенденции развития стало выдвижение США при президенте Обаме лозунга о новом восстановлении баланса в отношениях с азиатско-тихоокеанским регионом (*asia rebalance*). Это неизбежно, потому что Азия, и особенно Китай, будут оказывать решающее влияние на 21-й век, и США должны учитывать это в своей внешнеполитической стратегии. Новая концепция направлена на углубление и модернизацию отношений с традиционными союзниками США (Японией, Кореей, Филиппинами, Австралией), а также на более интенсивное сотрудничество с Китаем (Райс 2016 г.). Барак Обама и его советники перед лицом сдвига экономической и политической оси на евразийском пространстве не хотели оставлять одному Китаю инициативу и территорию. Но они особенно хотели прочно закрепить либерально-капиталистическое видение США в Азиатско-Тихоокеанском регионе в как можно большем числе стран, чтобы тем самым оказывать решающее влияние на события и решения в регионе. Новая администрация отказалась от этого подхода, при котором делалась ставка на дипломатию, сотрудничество и стратегическое партнерство с Китаем, в пользу проведения линии, ориентированной на конфликты. Таким образом, те силы во внешнеполитическом сообществе Соединенных Штатов, которые всегда хотели тормозить развитие и запугивать Китай, опять взяли верх и определяют политический курс.²⁶ И это ценой того, что США отказываются от участия в попытке формирования глобальных отношений будущего и отдают инициативу Китаю: в настоящее время Китай является единственным игроком с глобальным стратегическим видением и всеобъемлющей стратегической концепцией.

26. Два примера из многих: Крепиневич (2015 г.), Хеммингс (2017 г.)

Не только угроза связанных с BRI сдвигов в международной структуре власти, но и китайская практика реализации своих планов вызывают подозрения у западных внешнеполитических стратегов.²⁷ Китайские методы не соответствуют образу действий, которые известны по интеграционным процессам или соглашениям об экономическом сотрудничестве. На Западе любят, когда речь идет о многосторонних проектах, заранее твердо согласовывать цели, инструменты и правила, а также определять обязательства отдельных участников. Но в случае инициативы «Один пояс – один путь» не существует ни организационной структуры, ни постоянных форумов или многосторонних соглашений; их создание также не запланировано. При этом китайское руководство осознает, что реализовать свои планы без партнеров и союзников невозможно. Поэтому оно представляет и рекламирует BRI как открытый процесс, который в дальнейшем примет более ясные очертания и в котором могут участвовать все заинтересованные стороны, чтобы вносить свой вклад в его формирование.²⁸

В последнем официальном базовом документе китайского руководства также воспеваются равноправное сотрудничество всех ради общего блага: «В соответствии с духом Шелкового пути – мир и сотрудничество, открытость и вовлеченность, взаимное обучение и общая прибыль – и принципами совместных консультаций, совместного строительства и совместного использования Китай расширяет поле для консенсуса в вопросах сотрудничества с заинтересованными странами и способствует воплощению планов в рамках новой инициативы «Один пояс – один путь» в конкретные действия по сотрудничеству с участием всех сторон».²⁹ Китайские промоуте-

ры и дипломаты не устают представлять BRI как проект, призванный принести пользу всем участникам. Китай думает не только о собственной выгоде, но и о взаимовыгодной ситуации для всех. Насколько китайские официальные лица стремятся представить инициативу «Один пояс – один путь» как можно более открытой и привлекательной, настолько же бросается в глаза, что она является инициативой, которую продвигает Китай на двусторонней основе путем договоренностей с государствами, группами государств и некоторыми многосторонними организациями. Отсутствует коллективный механизм координации или управления для решения проблем, которые должны рассматриваться за рамками двусторонней сферы. Это, безусловно, связано с тем, что институционализация BRI отстает от реализации, и что на данный момент имеются лишь несколько многосторонних структур, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Конечно, это также связано с тем, что китайское руководство не желает отказываться от возможностей контроля и принуждения при реализации своей инициативы.

Но до тех пор, пока BRI подается как чисто китайский проект, который продвигается, финансируется и контролируется Китаем, во многих местах он будет по-прежнему восприниматься с недоверием или наталкиваться на активное или пассивное сопротивление стран-партнеров, или на протесты пострадавшего населения. (Миллер 2017 г.: 227 и след.) Поэтому необходимы срочные меры по укреплению доверия, чтобы правдиво и решительно продвигать институционализацию и, прежде всего, хотя бы частичное осуществление проекта на многосторонней основе.³⁰ Тем временем в Китае руководство создало структуру руководящих органов, органов управления, исполнительных механизмов и координационных центров: (Жанг 2016 г.: 19 и след.). В конце концов, государство имеет большой опыт и успехи в области государственного управления экономическими и социальными процессами. До тех пор, пока на международной арене не будет существовать структуры, которая хотя бы отча-

27. В том числе потому, что BRI могла бы сделать излишними региональные торговые соглашения, в том числе содержащие многочисленные условия для начала интеграции. BRI напрямую конкурирует с Транс-Тихоокеанским соглашением о партнерстве.

28. Наряду с другими Шефер/Шен/Лёзекруг-Пьетри (2016 г.: 82) видят в китайском подходе «новый вид сотрудничества, который существенно отличается от западного принципа глобального правления»; другие говорят о том, что китайский подход может в среднесрочной перспективе изжить такие инструменты, как торговые соглашения.

29. См. Бюро группы управления для новой инициативы «Один пояс – один путь» (2017 г.: 7); по сравнению с предыдущим программным документом (NDRC 2015 г.) в нем сильнее подчеркивается также обсуждавшийся аспект сотрудничества и вовлеченности.

30. Туда же направлена и рекомендация, которая содержится в исследовании Института Петерсона. См. Трумэн 2016 г.: 17.

сти делала возможным международное участие в принятии решений, определяющих процессы развития в будущем, комментаторы и политики будут и дальше насмехаться над китайским проектом, утверждая, что взаимовыгодный результат на самом деле означает, что Китай хочет получить двойную выгоду.

3.3 Превращение Китая из строптивного игрока в формирующую державу

Инициатива «Один пояс – один путь» спровоцировала оговорки и подозрения во многих западных государствах и по той причине, что она знаменует конец дипломатической сдержанности, в течение десятилетий ассоциировавшейся с Китаем. Некоторые комментарии из США и Австралии недалеки от того, чтобы вновь активизировать метафоры уходящего 19-го века, такие, как «желтая опасность», хотя они никогда полностью не исчезали из политических дебатов на Западе.³¹ С начала экономических успехов Китая в 1970-е годы наблюдается удивительное распространение книг, рассказывающих о стремлении Китая к мировому господству, появлении нового мирового порядка и упадке Запада. На Западе испытывают сильный страх перед пробуждающимся великаном, хотя логическая связь между подъемом Китая и грозящим упадком Запада прослеживается с трудом.³²

Осторожность во внешнеполитическом отношении предписал своей стране еще Дэн Сяопин, проводивший экономические реформы и полити-

ку открытости Китая с 1978 по 1992 годы. Страна не должна участвовать в союзах и, насколько это возможно, не должна вмешиваться в дела других стран. Все силы должны быть направлены на «наведение порядка в собственном доме». Но в то же время Коммунистическая партия следила за тем, чтобы не допустить забвения «национального унижения». Систематически пробуждалась боль из-за потери статуса мировой державы в 19-ом столетии в результате местами чрезвычайно кровавой западной и японской интервенции. Но это делалось всегда в сочетании с обещанием фундаментального обновления и воскрешения прежнего величия, хотя и в отдаленном будущем.

По мере того, как продолжали расти китайская экономическая мощь и вес Китая в мире, становилось ясно, что дискурсивная и политическая надстройка уже не соответствовали экономической мощи страны. От Китая требовали, и не в последнюю очередь США, взять на себя большую ответственность на мировой арене. Один из голосов, к которому внимательно прислушивались также в Пекине, принадлежал Роберту Зеллику, который довел до конца переговоры о вступлении Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) во время правления Джорджа Буша (2001–2005 гг.). Во время председательства Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.) Китай стал заметно активнее действовать на международной арене, особенно когда речь шла о защите его интересов в качестве глобального инвестора и торговой державы.³³ Но только при Си Цзиньпине страна отказалась от своей скрытной и часто пассивной позиции, и начала позиционировать себя как современную великую державу, чья сила основана на ее экономической и военной мощи. Новый дискурс приобретает черты омоложения и обновления, и пропагандирует, что теперь пришло время, чтобы осуществить «китайскую мечту». Китай, как обещает Си Цзиньпин своим гражданам, продолжит традиции своих славных и великих времен, и тем самым раз и навсегда заставит забыть «национальное унижение» прошлого.

31. Представление о «желтой опасности» сложилось в колониальных кругах в конце 19-го века. Определенную известность приобрело собрание кратких очерков М.П. Шилия (как ни странно, мулата из Карибского региона), которое появилось в 1898 г. в Великобритании и США.

32. См. также Жак (2009 г.). Страх перед пробуждающимся великаном настолько велик, что в США проводятся штабные игры по военному сдерживанию Китая. В 2016 г. Rand Corporation опубликовала исследование, проведенное по заказу вооруженных сил США. В нем делается вывод о том, что военная конфронтация разрушит намного сильнее Китай, чем США. Китай лишится 25–35 процентов ВВП, в то время как США лишь 5–10 процентов. Кроме того, следует ожидать серьезной дестабилизации китайского государства. См. Гомперт/Цевальос/Гарафола (2016 г.).

Понятие «ловушка Фукидида» используется в США для критики тех, кто считают войну между Китаем и США неизбежной. Фукидид, историк, живший в V веке до н.э., видел причину неизбежности войны между Афинами и Спартой в страхе, вызванном в Спарте подъемом Афин. См. Аллисон (2017 г.).

33. Превращение страны, которая была полностью сосредоточена на своем внутреннем развитии и пыталась для этого привлекать иностранные инвестиции, в страну, которая активно действует во всем мире в качестве инвестора и торговой державы, ориентировалось на стратегическую концепцию Going Out (Цзоу Чуку). См. Йелери (2014 г.).

В отличие от периода до Си, Китай пытается заметно и активно действовать на международной арене. Сегодня Народная Республика предлагает «китайские решения» практически для всех насущных проблем мира. На Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2016 г. Си предложил защиту глобализации и активную поддержку Китая в ее формировании. Китайские официальные лица презентуют «китайское решение» для спасения международной политики в отношении климата, а также для многих других мировых проблем. При этом Китай пытается избежать впечатления, что он является ревизионистской державой, которая хочет перестроить мировой порядок в свою пользу и потеснить в сторону ведущих игроков.³⁴ На протяжении многих лет Народная Республика все более активно участвует в многосторонних структурах, особенно системы ООН. Китай делает третий по размеру взнос в бюджет ООН и второй по размеру в миротворческие миссии ООН. Что касается выполнения соглашений и решений Группы 20, Народная Республика является образцовой; ее конструктивное сотрудничество в преодолении финансовых кризисов 1997 и 2008 годов также общепризнано. К тому же Китай избегает брать на себя ведущую роль или даже казаться доминирующим в многосторонних инициативах. Одним словом, усиление его международного присутствия происходит скрытно и всегда в соответствии с правилами.³⁵

По мнению китайского руководства, китайские усилия по встраиванию в международное сообщество также мало признаются мировым сообществом, как и обоснованные опасения и интересы страны. Лишь из-за ее размеров возникают риски, которые не может игнорировать ни одно правительство (Годехардт 2011 г.). Китай имеет

34. Кажется, что на представление о Китае на Западе сильнее влияют аргументы реалистичной школы, чем оценка других международных связей. Для реализма международные отношения означают не ограниченную никакими рамками игру с нулевой суммой за власть, влияние и ресурсы. Аналогично, основной китайский мотив видится в том, чтобы добиться усиления власти за счет других, что представляет угрозу, потому что Китай, без всякого стеснения и ни с чем не считаясь, будет использовать силу для продвижения своих интересов.

35. В отличие от США Китай в значительной мере отказался от военных интервенций. Исключение составляют пограничные конфликты и война во Вьетнаме (1965–1969 гг.). Помимо этого Китай не использовал свою военную силу за пределами своих границ. Однако многие видят признаки смены направления в китайской позиции во время столкновений в Южно-Китайском море.

морскую границу протяженностью 14500 км и должен охранять 22457 км сухопутной границы; Народная Республика граничит с 14 странами и еще с шестью разделена только проливами. Некоторые соседи представляют скрытую или открытую угрозу для Китая из-за одного из «трех зол»: терроризма, сепаратизма или экстремизма. Поэтому присутствие Народной Республики в соседних странах и за их пределами мотивировано с точки зрения не только экономики, но и политики безопасности. Китайское руководство убеждено в том, что через торговлю, инвестиции и расширение инфраструктуры в более широком круге соседних стран возникнут взаимозависимости, которые уменьшат риск возникновения конфликтов.

Трансграничные цепочки создания стоимости и торговые структуры, безусловно, способствуют мирным отношениям вдоль границ, а экономическая деятельность в соседних странах должна придавать импульсы развития и таким образом помогать в устранении социальных причин «трех зол».

3.4 Конгломерат мотивов и стимулов

Поскольку инициатива «Один пояс – один путь» стала популярной темой в колонках комментариев прессы, ведутся оживленные дискуссии о причинах возникновения проекта и связанных с ним намерениях, мотивах, расчетах и подтекстах. Но было бы слишком поверхностно объяснять возникновение инициативы только одной или двумя причинами. На самом деле с концепцией BRI связано множество мотивов различных китайских игроков, которые при Си Цзиньпине, начиная с 2012 года, слились в едином дискурсе и последовательной стратегии.

При этом, как правило, нельзя разделять политику безопасности и экономические намерения. Одной их формул, охотно используемой в Китае, является диалектическая взаимосвязь между развитием и стабильностью: развитие является существенной предпосылкой для обеспечения стабильности и безопасности, в то время как стабильность и безопасность в свою очередь яв-

ляются условиями для развития. Гарантия энергоснабжения также является экономической задачей и задачей политики безопасности в стране, которая с начала 1990-х годов зависит от импорта энергоносителей. И действующая с того же времени максима создания дружественного окружения, где необходимо обеспечивать процветание, чтобы соседи чувствовали себя в безопасности, основывается на главной идее корреляции между экономическим развитием и безопасностью.³⁶ Даже обычная для политики безопасности максима марша на Запад с целью прорыва «С-образного окружения» США (Ролланд 2017 г.: 93 и след.), как ее пропагандируют авторы из круга Народно-освободительной армии, делает ставку на взаимодействие между развитием экономики и безопасностью. Марш на Запад необходим, чтобы прорвать блокаду Китая; система альянсов и военных баз США, протянувшаяся от Японии через Южно-Китайское море до Индии и Афганистана, уже давно является бельмом в глазу для Китая, потому что США тем самым располагают средствами давления, которые ограничивают свободу действий Народной Республики. Квинт-эссенция геостратегических дебатов в Китае с начала 2000-х годов еще задолго до BRI заключалась в том, что продвижение на Запад, используя торгово-экономическое сотрудничество, было «исторической необходимостью» для китайской нации. (Ролланд 2017 г.: 117 и след.)

Страх перед политикой безопасности, делающей ставку на экономические взаимозависимости, будет, конечно, не таким сильным, как перед политикой, основными компонентами которой являются ракетные системы и танковые дивизии. Китайская сторона рекламирует свой подход под лозунгом «безопасность стоит денег, а деньги необходимо зарабатывать на развитии»; кроме того, результат развития в отношении политики безопасности является более устойчивым, чем эффект от войск, танков и пушек.

36. По мнению Шамбо, с конца 1990-х годов на китайскую внешнюю политику существенное влияние оказывала школа «Asia First», которая объявляет первым внешнеполитическим приоритетом развитие отношений в китайской глубинке и обеспечение стабильности в окружении. Китайская дипломатия добрососедства ориентировалась на формулу, согласно которой следует жить в гамонии с соседями, процветать вместе с ними и заботиться о том, чтобы они чувствовали себя в безопасности (mulin, fulin, anlin). См. Шамбо (2016 г.: 362); Йео (2009 г.: 7).

Другие важные мотивы, которые вошли в BRI, связаны с гарантией функциональной способности экономической модели, к чему также относится преодоление экономических диспропорций в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Таким образом, инициатива является и ответом на снижение темпов роста, она помогает выиграть время при демонтаже излишних мощностей, она должна служить руководством для китайских фирм сильнее закрепиться в международном плане (и при этом распространять китайские технологические нормы и стандарты (Кай 2017 г.)), и она должна укреплять международную роль юаня.

Следует подробнее остановиться на двух вопросах, которые значатся в самом верху официального списка приоритетов и интенсивно обсуждаются в ходе дебатов в самом Китае, начиная с 1990-х годов, потому что они действовали в качестве мощной движущей силы при разработке инициативы «Один пояс – один путь»: развитие западного региона и обеспечение энергоснабжения.

В западной пограничной провинции Синьцзян руководители государства, начиная с 1990-х годов, накапливают опыт смягчения социальных и этнических конфликтов за счет инвестиций в инфраструктуру и массивного развития экономики. (Браун 2016 г.: 71 и след.) После распада Советского Союза уйгурские мусульмане на западной границе начали восставать против китайского правления и претендовать на свое собственное государство - Уйгуристан или Восточный Туркестан. В течение почти десятилетия то и дело имели место демонстрации, террористические акты и столкновения между повстанцами и правоохранительными органами. Только при сборе денежных средств в 1990 г. в стычках с полицией погибли от 2000 до 3000 человек. Так как сепаратистские организации действовали и с территории Казахстана и Кыргызстана, китайское руководство поспешило урегулировать открытые пограничные вопросы с соседними странами и создать систему партнерства в области безопасности в рамках ШОС. Условием готовности Китая идти навстречу при урегулировании пограничных вопросов была, среди прочего, борьба с сепара-

тистскими уйгурскими движениями за пределами китайской границы. (Трипатхи 2012 г.: 114 и след.). Внутри страны ответственные лица проводили стратегию, сочетающую в себе суровые репрессии, поселение ханьцев и содействие развитию. При этом наряду с развитием инфраструктуры они делали ставку на нефтяной сектор, нефтехимию и хлопчатобумажное производство. Однако это не помогло добиться решающего повышения уровня жизни. Когда в 1996 г. начались волнения, правительство решилось представить более всеобъемлющую и основательную программу, реализация которой началась в 2000 г. – кампанию «За развитие Запада». Она должна была через несколько лет привести к скачку в развитии и приближению уровня жизни населения к среднему китайскому уровню. С тех пор темпы роста в этом регионе значительно выше средних национальных показателей.

Инициатива «Один пояс – один путь» является логическим продолжением кампании за развитие Западного Китая. Если прежде меры были направлены на выравнивание внутренних диспропорций, то сейчас должно уменьшиться неравенство и с соседними странами. Предполагается, что это позволит Синьцзяну превратиться в торговый центр и привлекать инвестиции. Подобно тому, как «свечой зажигания» в западных провинциях послужило массивное государственное стартовое финансирование (около 300 млрд. долларов США с начала кампании за развитие Запада), так и теперь за пределами Китая на китайские деньги должен начаться процесс, от которого Китай надеется впоследствии получить прибыль.

В Синьцзяне конфликт с уйгурами привлек внимание к экономическому потенциалу региона, который как-никак составляет одну шестую часть территории страны и в котором залегают четверть национальных запасов нефти и газа. Но соседние страны оказались в центре внимания не только потому, что связи с ними должны поддерживать процесс развития на китайском Западе, но и потому, что Китай нуждается в поставщиках энергии. Внутренняя добыча нефти и газа в Китае уже в начале 1990-х годов была не в состоянии удовлетворять потребности стремительно растущей

экономики; страна стала нетто-импортером энергоресурсов. В 2016 г. на долю Китая приходилось 4,3 процента мировой добычи нефти, но при этом 12,8 процента мирового потребления нефти; дефицит нефти в объеме восьми миллионов баррелей в сутки должен покрываться за счет импорта. Аналогична и ситуация с газом: потребность в импорте составляет 60 миллиардов кубометров в год, что равно потреблению Италии. (BP 2017 г.: 16 и след., 30 и след.)

Из-за быстро растущей зависимости от импорта нефти и газа Китай попал в стратегическую дилемму при выполнении своей руководящей функции. Импорт составляет более 60 процентов от потребления; четыре пятых приходят с Ближнего Востока и попадают через Малаккский пролив в место их назначения (Хсу 2016 г.). Этот морской путь мог бы в случае конфликта быть относительно легко отрезан США, что имело бы катастрофические последствия для китайской экономики и населения. Поэтому уже в течение некоторого времени китайские официальные лица занимаются «дилеммой Малакки» и возможностями снижения стратегической уязвимости страны.

В этом существенную роль играют трубопроводы из России и Центральной Азии. Местные эксперты ожидают, что зависимость Китая от поставок энергии из Ближнего Востока в среднесрочной перспективе значительно снизится, и что западные соседние страны будут играть все возрастающую роль в энергоснабжении. В 2014 г. был подписан 30-летний контракт с Россией о закупке 38 миллиардов кубических метров газа в год, которые с 2019 г. должны поставляться по газопроводу «Сила Сибири» в северный Китай. Тем не менее, этот объем соответствует лишь 17 процентам текущего потребления.

Уже с 2009 г. по нефтепроводу протяженностью 2700 км в Китай транспортируется каспийская нефть из Казахстана. Также с 2009 г. эксплуатируется газопровод Средняя Азия-Китай протяженностью 1800 километров, который проходит из Туркменистана через Узбекистан и Казахстан в Китай. В настоящее время он состоит из трех параллельных ниток с максимальной пропуск-

ной способностью 55 миллиардов кубических метров, из которых для экспорта в Китай Узбекистан и Казахстан используют по 10 миллиардов и Туркменистан 35 миллиардов (Паннье 2017 г.). По этому трубопроводу в настоящее время поставляются 85 процентов китайского импорта газа. Инфраструктура импорта непрерывно расширяется, поскольку потребление газа быстро растет из-за замены угля в качестве источника энергии. Однако проект четвертой нитки газопровода Центральная Азия – Китай (с пропускной способностью 30 миллиардов кубометров), который должен проходить через Кыргызстан и Таджикистан в Китай, пока не движется вперед из-за разногласий участвующих стран.

В течение последних двух десятилетий Китай не только вложил значительные суммы в центрально-азиатские трубопроводные проекты, чтобы обеспечить экспорт в Китай, но и инвестировал в разведку, добычу нефти и газа, а также в нефтеперерабатывающие заводы и местные распределительные сети. В Казахстане и Туркменистане, двух государствах региона с крупнейшими запасами сырья, Народная Республика оттеснила на второй план Россию, выкупила западные предприятия или не позволила им закрепиться. В Казахстане китайские предприятия сейчас контролируют 30 процентов добычи нефти. (Ванг 2015 г.: 16). В Туркменистане китайские банки с 2009 г. предоставили кредиты на сумму семь млрд. долл. США для расширения добычи газа; государственные китайские энергетические компании обеспечили значительную часть будущей добычи посредством соглашений о сотрудничестве. В настоящее время Китай является единственным потребителем туркменского газа; тот факт, что Народная Республика имеет монопольный доступ к гигантским резервам страны (Туркменистан располагает 9,4 процентами мировых запасов) весьма кстати для пекинских энергетических стратегов. С другой стороны, в настоящее время уже 17 процентов расходуемого в Китае газа поступают из Туркменистана, и планируется дальнейшее расширение поставок. Однако сильная зависимость от одного поставщика несет с собой и риски.

Таким образом, уже в течение некоторого времени осуществляется диверсификация импорта

нефти и газа. К этому можно добавить поиск альтернативных маршрутов для нефти с Ближнего Востока. Так, в 2015 г. заработал трубопровод Мьянма-Китай, которой соединил бирманский глубоководный порт Кьяукпью с Куньмином в Китае и делает излишним проход через Малаккский пролив. Это также относится к экономическому коридору Китай-Пакистан, который должен соединить порт Гвадар с западной китайской провинцией Синьцзян. Этот коридор является одним из шести коридоров проекта BRI; Китай подтвердил инвестиции в размере 46 млрд. долл. США; важные участки уже реализованы. Порт Гвадар должен взять на себя роль энергетического центра; если в сочетании с трубопроводами для китайского импорта нефти из государств Персидского залива будет использоваться и газ из Ирана, транспортный маршрут укорачивается и отпадает необходимость в проходе через Малаккский пролив.

В дискуссии в самом Китае Россия, Центральная Азия и другие страны вдоль Шелкового пути рассматриваются в качестве стратегической энергетической и ресурсной базы Китая в 21-м веке. Еще в 2014 г. Председатель Си настоятельно требовал от ответственных лиц уделять особое внимание сотрудничеству в области энергетики в рамках BRI (Роллан 2017 г.: 113). Таким образом, еще раз подтверждается тот факт, что Центральная Азия является для Китая «самым большим даром с небес» согласно высказыванию часто цитируемого Лю Ячжоу, по профессии генерала и политкомиссара университета Народной армии. Таких решительных фраз, как правило, избегают, потому что китайское руководство хорошо знает о синофобии многих жителей соседних западных государств и озабоченность элит центрально-азиатских государств с окончанием на «стан» по поводу того, что Китай якобы хочет сделать из этих республик послушные вассальные государства. Однако в лице BRI китайские официальные лица теперь имеют в распоряжении проект, который может наглядно представить использование «даров с небес» и восприятие экономических и стратегических интересов как сотрудничество на благо всех участников, и позволяет апеллировать к трансграничной общности исторической судьбы стран региона.

4. BRI: дискурс и медлительная практика

4.1 Глобальные инвестиционные пробелы, китайские финансовые взносы и возможности объединения с глобальными инициативами

Программа устойчивого развития на период до 2030 года включает в себя 17 комплексных целей и 169 подцелей, в том числе такие существенные, как преодоление голода, бедности и неравенства, обеспечение медицинской помощью, доступ к чистой воде и доступной по цене энергии. Формулировки целей отражают состояние мира, которое не должно быть таким, каким оно является, и не должно таким оставаться. Но после четырех десятилетий развития, после целей развития тысячелетия, и, наконец, программы устойчивого развития на период до 2030 г., результаты оказались весьма отрезвляющими, а степень их достижения разочаровывающей. Комитет ОЭСР по развитию в настоящее время классифицирует 146 из 194 стран мира как развивающиеся, нуждающиеся в мерах поддержки для улучшения условий жизни и стимулирования экономики, в том числе все восемь стран Центральной Азии и Кавказа. В отношении последних Экономическая и социальная комиссия ООН по Азии и Тихоокеанскому региону делает заключение, что, несмотря на значительные темпы роста и заметное сокращение нищеты с начала нового тысячелетия, они явно отстают от заявленных в Целях развития тысячелетия и целях Программы социальных и экологических стандартов. Путь к устойчивым, социально интегрированным и справедливым обществам еще долог. (ЭСКАТО 2017 г.: 3 и след.).

В ОЭСР подсчитали, что во всем мире каждый год необходимо дополнительно инвестировать 2 500 млрд. долл. США, чтобы действительно добиться целей программы развития (Вильсон 2016 г.: 70). Отчет ЕБРР по странам с переходной экономикой за 2015–2016 гг. исходит из потребности в дополнительных инвестициях в размере 75 млрд. долл. США в год только для того, чтобы довести инвестиционные ставки экономики прошлого с централизованным планированием до уровня, предшествовавшего финансовому кризису

2008/2009 гг.; сегодня инвестиции в этой группе стран значительно ниже уровня, соответствующего состоянию их развития (ЕБРР 2016 г.). Для сравнения: официальная помощь в целях развития составила в глобальном масштабе 145 млрд. долл. США (2016 г.).

Очевидно, что все усилия в рамках ООН и международного сотрудничества в целях развития, все усилия частных инвесторов и все устремления заинтересованных стран оказались недостаточными, чтобы решительно приблизить преодоление отсталости. Необходимы дополнительные усилия, в том числе, конечно, в Центральной Азии и на Кавказе.

В бывших советских республиках состояние инфраструктуры является серьезным препятствием для развития. Основная часть сетей транспорта, связи и снабжения осталась еще с советских времен и не рассчитана на удовлетворение потребностей малых, отделившихся друг от друга национальных государств. После обретения независимости эта сфера почти не инвестировалась, сэкономили даже на техническом обслуживании. Расширение дорожной сети, энергоснабжения, железнодорожного сообщения и информационных каналов, в которое Китай сейчас делает инвестиции в этом регионе, устраняет барьеры для роста. Азиатский банк развития исходит из мультипликативного эффекта от инвестиций в инфраструктуру (институт Азиатского банка развития 2009 г.: 4 и след.). В исследовании 2017 г. банк дает количественную оценку потребности азиатских развивающихся стран в инвестициях в инфраструктуру в размере 1 700 млрд. долл. США в год, чтобы генерировать достаточный рост, достигнуть целей по снижению бедности и найти ответы на проблемы изменения климата. (Азиатский банк развития 2017 г.) Однако в настоящее время инвестируется менее половины необходимой суммы. Разрыв на 2016–2020 годы составляет 2,4 процента от прогнозируемого валового внутреннего продукта 25 рассматриваемых стран; без китайских инвестиций разрыв составил бы 5 процентов ВВП.

В свете таких масштабов подтверждаемые китайские инвестиции вдоль Шелкового пути выгля-

дят довольно скромно. Авторитетные прогнозы исходят из 50 до 150 млрд. долл. США в год.³⁷ Строятся различные догадки о стимулируемых этими проектами дополнительных инвестициях третьими лицами; некоторые комментаторы даже оценивают накопленную общую сумму в размере 4 000 млрд. или больше в год. Влиятельная Национальная комиссия развития и реформ (NDRC) китайского правительства указала на форуме BRI в мае 2017 г. на заключение первой 1 000 новых контрактов на проекты за рубежом. Тем не менее, руководство Народной Республики до сих пор осторожно обращалось с данными. Если же цифры публикуются, то они часто не отличаются от деклараций о намерениях, твердо согласованных проектов, согласия на финансирование и осуществленных инвестиций. Предоставление надежных цифр китайскими ответственными лицами могло бы, конечно, действовать как вызывающая доверие мера, особенно, если бы учитывались финансовые вклады из оффшорных средств государственных фирм, финансирование через государственно-частные банки и китайские территориальные органы. Через оба наиболее известные учреждения финансирования BRI – Фонд Шелкового пути (с капиталом 40 млрд. долл. США) и учрежденный Китаем, работающий строго на многосторонней основе Азиатский банк инвестиций в инфраструктуру с капиталом в 100 млрд. долл. США проходит лишь небольшая часть финансирования BRI. Но, возможно, раскрытие финансовой архитектуры всего проекта – это лишь вопрос времени. Согласно определению планировщиков, проект все еще находится в начальной стадии разработки и структурирования. «Стратегическое планирование» должно быть завершено к 2021 г. Только после этого действительно начнется стадия реализации, которая рассчитана, по меньшей мере, на три-четыре десятилетия (Хонг 2016 г.: 9). Ки-

37. О финансовой архитектуре BRI см. Миллер (2017 г.: 34 и след.); Миллер оценивает ежегодный объем инвестиций в BRI за пределами Китая в размере 50–100 млрд. долл. США. The Economist исходит из 150 млрд. долл. США (см. The Economist 2017 г.) Для сравнения: Гон (2016 г.: 33) оценивает общие прямые инвестиции Китая в странах вдоль маршрута BRI за период с 2003 (!) по 2014 г. в 72,2 млрд. долл. США. Более половины пришлось на Юго-Восточную Азию. Цифры взяты из официальных китайских источников. Согласно сообщениям китайских газет за 2015 г., китайский банк развития «вел мониторинг» 900 проектов BRI в 60 странах с общим объемом инвестиций в размере 890 млрд. долл. США. См. Каи (2017 г.: 15) и Гон (2016 г.: 9).

тайское руководство имеет большой опыт планирования и реализации многогранных, крупномасштабных проектов, и может похвастаться успехами. Вместе с тем китайская инициатива «Один пояс – один путь» достигает такого масштаба и степени сложности, для которых еще предстоит разработать методы управления и координации.

Китайские инвестиции в связи с инициативой «Один пояс – один путь» не смогут даже приблизительно устранить недостаток инвестиций в Центральной Азии и на Кавказе. Но если BRI будет хотя бы сколько-нибудь успешной, и если, к тому же, эта инициатива обострит конкуренцию между спонсорами (что уже, например, происходит между Японией и Китаем во Вьетнаме), и тем самым мобилизует инвестиционный капитал из Японии, США, Кореи и Европы, то этот проект мог бы генерировать значительное повышение благосостояния. Такие размышления с некоторых пор можно слышать и в таких организациях, как ПРООН (программа развития ООН). В недавнем документе ПРООН подчеркивается огромный синергетический потенциал Программы устойчивого развития на период до 2030 г. и инициативы «Один пояс – один путь». Но в то же время в нем содержится предостережение о возможном ущербе окружающей среде, нежелательных социальных последствиях и негативном воздействии на макроэкономическую стабильность, особенно малых стран, которые могут повлиять на проекты BRI. (Хорват 2016 г.)

Документ ООН – это призыв к систематическому и многостороннему продвижению информации о целях Программы-2030 и инициативы «Один пояс – один путь». Китайская сторона хорошо осведомлена об этой проблеме. Еще в официальном стратегическом документе правительства 2015 г. говорилось о необходимости углубления политической координации и совершенствования сотрудничества между участниками (Национальная комиссия развития и реформ 2015 г.: глава IV). Несмотря на то, что китайское правительство и ПРООН в том же году подписали Заявление о намерениях продвигать интеграцию BRI и Программы-2030 (Гяиси/Чжоу 2017 г.: 45 и след.), до сих пор мало что было сделано.

ЕС заключил с Китаем соглашение о Платформе взаимодействия (Connectivity Platform) и договорился о сотрудничестве по нескольким инвестиционным проектам BRI в транспортном секторе. Но при этом переговоры, которые могли бы привести к стратегическому сотрудничеству и которые касаются ядра стратегии развития BRI, не предусматриваются (Монтесано/Окано-Хейджманс 2016 г.), что открывает Китаю свободу действий для инициатив в рамках ЕС и соседних с ЕС государств. Таким образом, китайская инициатива BRI слилась с форматом сотрудничества, который с 2012 г. представляет собой институциональные рамки для китайской инвестиционной стратегии в Восточной и Юго-Восточной Европе, и которая стала известна как «16+1».³⁸ Так как Китай привлекает своим инвестиционным фондом в размере 10 млрд. долл. США, страны ЕС тем временем конкурируют друг с другом, причем без какого-либо согласования, за прибыльную роль коммуникационного и транспортного узла BRI в Европе. Это создаст препятствия в реализации программ ЕС и приведет к дальнейшей фрагментации внешнеэкономической политики Сообщества. Первое соглашение о сотрудничестве в рамках BRI с Китаем заключила в 2015 г. Венгрия. Но при этом уже давно началось превращение Греции в плацдарм для балканского участка нового Шелкового пути. С 2009 г. Китай инвестировал 4,2 млрд. евро в греческие порты и другие объекты инфраструктуры; торговый обмен сейчас более обширный, чем с любым другим западно-балканским государством (Бастиан 2017 г.: 12 и след.).

Для всех стран, приверженных к Программе-2030, в частности, для западных государств-спонсоров ОПР, тот факт, что с одной стороны имеет место значительная нехватка финансирования, а с другой стороны – совместимый с программой развития крупный проект, может стать стимулом для активных усилий по зондированию вариантов участия и использованию синергетического потенциала. Это не просто долг, подлежащий уплате по месту жительства кредитора китайской

38. В 16 + 1 участвуют 11 государств-членов ЕС и 5 балканских государств, стремящихся вступить в ЕС (Болгария, Эстония, Хорватия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия, Венгрия; а также Албания, Босния-Герцеговина, Македония, Черногория, Сербия). См. Бастиан (2017 г.: 9 и след., Европейский совет по международным отношениям (2017 г.), Пепе (2017 г.).

стороной. То, что систематический поиск выгодных возможностей для создания сетей на многостороннем уровне развивается весьма скромно, объясняется, в том числе, и тем, что, в США, да и в различных странах ЕС, реакция на BRI заключается в принятии мер по сдерживанию, чтобы ограничить рост китайского влияния. Несмотря на это правительства, которые на самом деле хотят замедлить экспансию Китая, готовы разрешить китайские инвестиции, если они сулят выгоду для внутренней экономики.

4.2 Каменистый путь от дискурса к практике

Инициатива «Один пояс – один путь» представляет собой синтез множества политических концепций и пластов интересов, оформленных в рамках дискурса. Он определяет как крупные целевые установки, так и согласованность действий внутренних китайских игроков, и взаимодействие Китая с сообществом государств. Речь идет о дискурсе, который предлагает решения как внутренних китайских, так и центральных международных проблем. Дискурс вокруг BRI выполняет внутри страны функцию легитимации, осмысления и общественной целевой установки, и доносит наружу предложение о сотрудничестве вместе с обещанием синергизма и совместных выгод. Китайский политический аппарат много лет занимался подготовкой этого дискурса лет и успешно укоренил его не только в Китае, но и в международном сообществе государств. Поскольку ни США, ни Европа не могут предложить убедительной концепции для будущего глобализации, Китай теперь в решающей степени определяет дискуссионные рамки международной политики; и беря на себя инициативу, он избавляет себя от обсуждения распределения ролей с другими государствами (Годехардт/Коленберг 2017 г.). Даже больше: страна инвестирует много денег и энергии в рекламу с целью поддержки своего проекта, и пытается привлечь в качестве партнера по альянсу, как государства, так и мозговые центры и неправительственные организации.

На этапе планирования BRI, который согласно официальному официальному плану будет еще

продолжаться (как минимум) до 2021 г., Китай находится в удобном положении, так как успех BRI не надо измерять по результатам. Пока были реализованы лишь участки и частично элементы планируемых экономических коридоров; они еще не могут функционировать как система. Также нет ни достаточной базы данных, ни значимых индикаторов и ориентиров, которые бы давали представление обо всем проекте. Кроме того, неясно, найдется ли достаточно стран-партнеров, желающих помочь сформировать проект и участвовать в его финансировании. Но для китайской экономической дипломатии, а также для переговоров о сотрудничестве достаточно, чтобы руководство Народной Республики могло ссылаться на большое количество подписанных меморандумов и контрактов, а также на миллиарды долларов, которые были вложены в отдельные подпроекты.

Дискуссия о BRI в Китае³⁹ – и это открыто хочет руководство – выходит далеко за рамки официального дискурса. Принимая во внимание тот факт, что концептуальное оформление проекта далеко от завершения, и что даже в правительстве существуют разные представления относительно стратегии, центральные элементы также подвергаются критическому анализу.⁴⁰ Лейтмотивом ряда статей является то, что BRI является оптимальной международной экономической стратегией, но находится еще в стадии обсуждения. Имеются недостатки политического планирования; срочно необходим консенсус в отношении точных целевых установок. Также присутствует намек на то, что проект может в целом провалиться.

С китайской точки зрения провал подпроектов все же не является достоверным индикатором успеха или неудачи всего проекта, в том числе и того, что индивидуальные проекты BRI не принесут прибыль. Очевидно, что ответственные за иностранные инвестиции китайские власти готовы подчинить критерии рентабельности и ожидания прибыли политическим и стратегическим целям. Согласно GaveKal Dragonomics, консалтин-

говой фирме, специализирующейся на Китае, при расчете проектов в Пакистане включены убытки в размере 80 процентов, в Мьянме – 50 процентов и в Центральной Азии – 30 процентов.⁴¹ С другой стороны, нельзя упускать из виду, что значительная часть проектов BRI за рубежом финансируется за счет кредитов. По оценкам наблюдателей, китайские кредиторы получают доход на инвестиции от пяти до шести процентов. (Миллер 2017 г.: 32 и след.) Тем самым они могут выдержать прекращение или задержку платежей крупного размера, получая при этом не меньший доход, чем, например, от вложения профицита платежного баланса в облигации государственного займа США.

Тем не менее, риски такого сложного и амбициозного проекта, как BRI многочисленны и разнообразны. Они вытекают из положения дел в самом Китае, где необходимо интегрировать, убедить и выстроить в линию дюжины бюрократических, потенциально обструкционистских игроков. Это является предпосылкой того, чтобы дискурс развивался дальше в согласованный пакет дифференцированных по секторам и территориям концепций политики и сотрудничества, и поддающихся изменению проектов. Риски также вытекают из положения дел и стратегий международных игроков, которые должны быть интегрированы, и которых, если это не получится, следует, по крайней мере, побудить к занятию нейтральной позиции. Но прежде всего риски вытекают из структур и бытия стран-партнеров вдоль маршрута.

В официальных документах подчеркивается, что Китай не хочет ничего навязывать ни одной стране, а делает лишь предложения о сотрудничестве. В устанавливаемых отношениях должны действовать рыночные правила и международные нормы; рынку и компаниям отводится решающая роль в распределении ресурсов. Хотя в среднесрочной перспективе необходимо, чтобы государства-участники детально координировали свои стратегии и политику в области экономического развития, но уважение суверенитета партнеров является основополагающим прин-

39. Европейский совет по международным отношениям опубликовал анализ многочисленных выступлений во время дебатов (Годемент)/Кратц 2015 г.). См. также Гон (2016 г.: 14 и след.).

40. Об этом сообщил официозный журнал Renmin Luntan (Народный форум) 19.03.2015 г. (см. Годемент)/Кратц 2015 г.

41. Гавекал цитирует источники в государственном аппарате Китая (Миллер 2017 г.: 176 и след.).

ципом. (NDRC 2015 г. раздел 2). Из подчеркивания максимы строгого невмешательства следует, что вопросы управления, с которыми Китай сталкивается в различных странах BRI, выводятся за скобки. На вопрос о том, как решать проблемы, если авторитарно – клептократические режимы не признают рыночные правила и международные нормы, официальные документы ответа не дают. В Китае сотни коррумпированных чиновников вплоть до высших чинов были поставлены к стенке, чтобы обеспечить способность государства к управлению. За рубежом единственным средством управления остаются деньги.

4.3 Риски управления вдоль Шелкового пути.

Если проект «Один пояс – один путь» будет полностью реализован в 2049 г., к столетию со дня основания Народной Республики, появится также огромная зона свободной торговли вдоль экономических коридоров BRI; по крайней мере, так это видят планировщики. Однако до этого должен быть устранен целый ряд торговых барьеров, которые в настоящее время препятствуют товарообороту со странами Центральной Азии и Кавказа, а также через них. Враждебное разделение стран по отношению друг к другу и их склонность к протекционизму нашли свое отражение в таможах, квотах и лимитах, различных нормах, стандартах и технических регламентах. Особенно негативно сказываются не в меру жесткие режимы контроля, которые затрудняют трансграничные экономические отношения. Поэтому международные организации напоминают о необходимости масштабных пограничных реформ (Шиек 2017 г.: 21, 25 и след.). В частности, необходимо безотлагательно упростить таможенные правила и формальности, стандарты оформления, а также требования к документации и учету, а также ускорить процедуры. Для региона типична ситуация, когда долгое время ожидания и контроля, например, на границе между Китаем и Казахстаном, в случае железнодорожного сообщения из Чунцина в Дуйсбург в рамках BRI можно сократить только путем «неформальных договоренностей». Также типично, когда грузовики вынуждены в среднем ждать по восемь часов, к примеру, на границе Казахстана и

Узбекистана, и когда многие экспедиторы грузов, как правило, сталкиваются с требованиями дать взятку. Хотя вопросы облегчения процедур торговли и упрощения пограничных режимов уже некоторое время включаются в китайскую повестку дня на двусторонних переговорах, особенно с центрально-азиатскими соседями, очевидно, что прогресса добиться трудно.

Возможно, причина заключается в том, что китайский подход устранять барьеры посредством переговоров о правилах и, в случае необходимости, путем «неформальных договоренностей» является слишком поверхностным. Возможно, что это тот же подход, на котором базируются проекты пограничных реформ в рамках Программы центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) (ЦАРЭС – это региональное сотрудничество с участием 11 стран, инициированное Азиатским банком развития и поддерживаемое МВФ и Всемирным банком). Оба руководствуются идеей о том, что главную причину препятствий следует искать в дефиците либерализации и модернизации. В свете трудностей с достижением прогресса в устранении формальных и неформальных препятствий торговле в регионе, возможно, следует задать еще один вопрос о том, действительно ли причина кроется только в технических системных помехах. Если системы в регионе структурированы таким образом, что они систематически блокируют определенные процессы либерализации и модернизации, инвестиционные и пограничные реформы окажутся недостаточными, чтобы высвободить дремлющий в BRI потенциал развития.

Представление о том, что самой большой проблемой постсоветских республик является несовершенный, еще не незавершенный процесс либерализации и модернизации, исходит из исследования переходного периода. Основное предположение, на котором основывается так называемая парадигма перехода, заключается в том, что переход совершается в государствах, которые в целом функционируют, в связи с чем на практике главный акцент мог делаться на корректирующую перестройку учреждений и формирование условий для демократизации. Хотя правовая система должна была реформировать-

ся, должны были быть учреждены или наполнены жизнью выборные органы власти, однако этот процесс истолковывался как модификация в целом сохранившихся государственных аппаратов и институциональных архитектур, а не как новое строительство (Каротерс 2002 г.: 8 и след.). Тем временем ширится представление о том, что после 1989 г. в ходе «четвертой волны демократизации» произошла намного более далеко идущая институциональная перестройка, чем во время сдвига к демократизации после первой мировой войны, второй волны после 1945 г. и третьей с 1970-х годов. Изменения в постсоветских государствах в Центральной Азии и на Кавказе нередко оцениваются как воссоздание государства и его институциональной системы.

В ходе этого процесса возникли режимы с примечательными особенностями, которые нередко считаются особым типом. Ссылаясь на Макса Вебера, политические режимы постсоветских стран региона можно охарактеризовать как неопатримониализм; крайнюю степень формирования патримониального господства Вебер называет султанизмом (Прадетто 2012 г.: 101 и след.). Основными признаками «современного султанизма» являются персонализм, покровительство и фракционность.

Более далеко идущей является концепция Александра Кулей и Джона Хитершо, которые описывают режимы региона как глобализированный капитализм дружков или кланово-олигархический капитализм (*globalized crony capitalism*). (Кулей/Хитершо 2017 г.: 9 и след.) Сети элит создают альянсы, чтобы отменять кодифицированные и неявные правила с целью присвоения прибыли или ценностей. Это может происходить с помощью монополий, концессий или государственных заказов, или не воспрепятствования незаконному присвоению иностранных активов, крайне жесткой эксплуатации или внесудебного взимания сборов или комиссий всех мыслимых видов. Хотя в странах, о которых идет речь, произошли выборочная либерализация, дерегулирование и создание сетей с глобальными структурами, но лишь в тех пределах, когда это служит интересам самообогащения альянсов элитных групп.

Процесс трансформации породил в регионе режимы, которые через авторитарные структуры стали невосприимчивы к реформаторским идеям и оказываемому изнутри и снаружи давлению с целью проведения реформ, и укоренили коррупцию в качестве центрального элемента системы. В этих системах размыта грань между государственным и частным, политика служит бизнесу и наоборот, находящиеся у власти игроки стоят выше закона. Но в то же время они прекрасно вписались в международный деловой и финансовый мир; глобализированная финансовая индустрия используется в качестве помощника при размещении нелегальных денежных средств, военных бюджетов и сомнительным образом приобретенного частного имущества за рубежом. Демократический контроль, а также проверки и балансы явно не способствуют сохранению такой системы. Меры реформирования с целью либерализации и модернизации, отстаиваемые в регионе международными организациями, имеет шанс только в том случае, если они не ограничивают возможности обогащения элитных клановых групп. Проекты пограничных реформ не движутся вперед, в том числе и потому, что границы открывают много возможностей обогащения для групп, которые контролируют административные пограничные органы.

Указание на то, что проблемы развития в регионе «также» связаны с «широко распространенной» или «эндемической» коррупцией, присутствует в любом анализе стран Центральной Азии и Кавказа. Но коррупция обычно считается лишь одним из многих факторов, одним элементом системы среди других, или дефектом системы (Шиек 2017 г.; Корнелл/Энгвалл 2017 г.). Но что, если коррупция это не фактор или элемент, а сама система? (Рабочая группа по коррупции и безопасности 2014 г.: 6 и след.)⁴² Тогда нарушается функция рынка как механизма распределения, экономика лишается значительного объема ресурсов из-за частного присвоения и экспатриации, замедляется или блокируется динамика рынка, ослабевает инновационный потенциал общественных

42. См. также: Розе-Акерман (2001 г.: 155 и след.). Открывающая новые горизонты феноменология в то время относительно нового феномена «Большой коррупции» появилась в 1995 г. в журнале *Kursbuch*: см. Муди-Стьюарт 1995 г.

игроков. Фрагментация и разделение государственного аппарата, экономики и внешних отношений на изолированные зоны влияния групп, используемых только для получения прибылей или частного присвоения общественных благ, оказывают, по меньшей мере, такое же вредное воздействие, как в других контекстах правила плановой экономики и протекционизма.

Если коррупция является системой, из этого также следует, что теряют силу механизмы государственного управления и регулирования. Потому что, если налоги, пошлины, субсидии и цены устанавливаются ради получаемых от этого прибылей, и если государственные инвестиции делаются ради связанных с ними возможностей обогащения, то достижение целей общего блага или развития с помощью политических инструментов, как правило, становится невозможным. Очевидно, что это представляет особую проблему для сотрудничества в целях развития. Если эта проблема, противоречащая тенденции к достижению общего блага, сохранится, то потребуются комплексные стратегии, которые, однако, существуют только в теории (Рабочая группа по коррупции и безопасности 2014 г.: 21 и след.). Пол Коллье во время краткого изложения дискуссии пришел недавно к выводу, что антикоррупционная политика появилась на фоне недооценки научного подхода к этой теме (Коллье 2017 г.).⁴³

То, что в связи с темой коррупции существует концептуальный и эмпирический дефицит, относится и к Китаю. Во всяком случае, китайские ответственные лица не делают большой проблемы из системного бытия режимов в странах, через которые пролегает Шелковый путь. В соответствии с принципом невмешательства не формулируются какие-либо регулирующие или системные предписания как условия для успеха стратегии BRI. При этом существуют довольно заметные различия между китайской системой и режимами в Центральной Азии и на Кавказе. В Китае ориентация на общественное благополучие является центральным звеном государственной политики.

43. Мнение Коллье подтверждается исследованием, в котором анализируются результаты эмпирического изучения коррупции последних десяти лет. См. Диман/Тосато (2017 г.).

Это распространяется не только на дискурс. Государственная политика должна постоянно доказывать на практике ориентацию на общественное благополучие путем повышения уровня благосостояния, особенно если посредством этого необходимо достигать урегулирования конфликтов и снижения напряженности. Поскольку причастность к экономическому процветанию представляет собой важный источник легитимности (фон Зёст/Грауфогель 2015 г.), коррупция, которая, как известно, широко распространена и в Китае, является дестабилизирующим фактором. Государственное руководство Китая интенсивно занимается этим с 2013 г.; расследования в ориентируемых на международные связи крупных государственных корпорациях, особенно в энергетическом и финансовом секторах, дали ход скандалам, привели к обвинительным приговорам в отношении руководителей. Различные комиссии и исследования пытались детально разобраться в проблеме, готовили предложения по совершенствованию контрольных механизмов. (Кулей/Хитершо 2017 г.: 181 и след.) Однако нет публичного ответа на вопрос, что китайские фирмы могут с этим поделать, если в какой-либо стране следующий элемент BRI может быть реализован только в том случае, если находящимся у власти группам будет в качестве комиссионных заплачен процент, например, от кредита для железнодорожного проекта. В различных странах китайские компании показали, что очень хорошо адаптируются к местным условиям, использовали их с помощью инвестиций, иногда бесцеремонно, например, в африканских сырьевых секторах, способствуя тем самым утверждению существующих структур. Но на Кавказе и в Центральной Азии речь идет не только о добыче и транспортировке сырья, но и о создании сетевых систем. В слабых государствах, где находящиеся у власти игроки в основном ориентируются на поиск прибыли, одни лишь китайские инвестиции в инфраструктуру вряд окажутся достаточными стимулами, чтобы преодолеть тормозящие или блокирующие развитие механизмы капитализма дружков. Если этот вывод является верным, китайским игрокам и их иностранным партнерам срочно необходимо искать пути, чтобы адекватно учитывать проблемы, касающиеся регулирования и системы, в проектах и в стратегии BRI.

4.4 Перспективы

Из инвестиций в инфраструктуру не автоматически получается рост, и из роста не автоматически получается развитие. Кроме инфраструктуры также необходимо инвестировать в создание продуктивных экономических связей (прямых, обратных, финансовых, конечного спроса) (Менцель/Сенгхас 1986 г.: 23 и след.), чтобы из структурно деформированных сырьевых и сельскохозяйственных отраслей могла возникнуть связанная, способная к самофинансируемому росту экономика. В самом Китае (где каждый месяц в инфраструктуру инвестируется столько же, сколько в проекты BRI за рубежом каждый год⁴⁴), эти инвестиции сочетаются с целым комплексом стратегических мер по развитию цепочек создания стоимости и стимулированию связей. Одной из используемых концепций были особые экономические зоны.

Концепция о том, как из отдельных инвестиций могут возникнуть цепочки создания стоимости и сетевые структуры, пока не является частью стратегии BRI. Вместо этого имеются различные проекты, официально проходящие под маркой BRI, являющиеся просто проектами по строительству инфраструктуры, иногда сомнительной рентабельности. Или они служат для того, чтобы доброжелательно настроить авторитарного правителя. Имеются многочисленные проекты, которые не связаны ни с программой развития стран-бенефициаров, ни с международной программой развития. Дальнейшая разработка лежащей в основе BRI концепции развития, а также разукрупнение и уточнение целей – это существенные остающиеся открытыми позиции. Китай не должен оставаться один в этой дискуссии, потому что многие западные страны имеют большой опыт использования инструментов сотрудничества в целях развития, в то время как Китай является новичком.

Имеются еще много других открытых позиций, сомнений и критики. Если цель состоит в том, чтобы с участием Китая, который собирается стать активным и стратегически действующим меж-

дународным игроком, укрепить основанный на стандартах международный порядок, необходимо создавать форумы, площадки для дискуссий и переговоров, чтобы рассматривать открытые вопросы и сомнения. Поэтому наряду с вышеупомянутыми вопросами определенную роль должны играть следующие спорные вопросы: какую организационную структуру будет иметь BRI и как будут организованы процессы принятия решений, касающихся всего проекта? Будет ли в каком бы то ни было виде официальное участие или членство помимо двусторонних договоров? Будет ли вариант многостороннего характера этой инициативы? Что может сделать Китай на нынешнем этапе, чтобы снять с небольших стран обеспокоенность по поводу того, что интеграция в пропагандируемое «сообщество судьбы» может привести к статусу страны-вассала? Следует ли по-прежнему приветствовать в качестве партнеров режимы, которые массово нарушают права человека? Как следует сотрудничать с клептократическими режимами и режимами, создавшими капитализм дружков; каких ответов требуют проблемы регулирования вдоль маршрутов? Будут ли при китайских инвестициях в BRI за рубежом однажды соблюдаться международные экологические, социальные и трудовые нормы? Как следует относиться к вновь и вновь наблюдаемым движениям протеста против масштабных проектов? Что можно сделать, чтобы повысить доверие таких стран, как Индия, Япония, США и другие, которые дистанцируются от BRI или враждебно к ней относятся? Что можно сделать для того, чтобы связать основополагающую программу развития с другими крупными программами, и как можно убедить участвующие страны оказывать поддержку этой программе?

Дебаты по этим вопросам открыли бы также возможность пристально изучать эффективность и рентабельность мегапроектов. Результаты ряда эмпирических исследований об инфраструктурных мегапроектах в различных странах (включая Китай), которые проводили Бент Фливиборг и его аналитическая группа, ставят под вопрос тезис о том, что крупные инвестиции в инфраструктуру являются движущей силой экономического роста (Ансар/Фливиборг/Будье/Ланн 2016 г.; Фливиборг/Санстейн 2016 г.). Кроме того, такие про-

44. В 2015 г. они составляли 150 млрд. долл. США в месяц. См. Миллер (2017 г.: 49).

екты могут причинить большой вред, например, если какая-либо страна увязнет в долгах из-за инфраструктурного проекта, который окажется убыточным.

Планировщики любят играть в бога. Они сдвигают горы, поворачивают вспять реки, строят города или промышленные отрасли на пустом месте и организуют сообщение на невысказанные расстояния, часто без учета экологических и социальных последствий своих проектов. Учитывая состояние мира, смелые конструктивные концепции и способность на длительные усилия, чтобы их реализовать, безусловно, необходимы. Возможно, Китай склонен к гигантомании, резкости и излишнему планированию. Запад, напротив, склонен к краткосрочному характеру экономики и фиксации прибыли. Сочетание этих двух элементов может действительно создать взаимовыгодную ситуацию.

Литература

- Эллисон, Грэм** (2017): *Обречены на войну. Могут ли Америка и Китай избежать ловушки Фукидида*, Бостон/Нью-Йорк.
- Ансар, Атиф/Фливиборг, Бент/Будье, Александр/Ланн, Дэниел** (2016 г.): приводят ли инвестиции в инфраструктуру к экономическому росту или экономической нестабильности? Свидетельства из Китая; *Оксфордский обзор экономической политики*, том 32, № 3.
- Азиатский банк развития, АБР** (2017 г.): *удовлетворение потребностей инфраструктуры Азии*; Манила.
- Институт Азиатского банка развития** (2009 г.): *Инфраструктура для единой Азии*, Токио.
- Баризитц, Стивен** (2017 г.): *Центральная Азия и Шелковый путь. Экономический рост и упадок в течение нескольких тысячелетий*; Cham.
- Бастиан, Йенс** (2017 г.): След Китая в Юго-Восточной Европе. Строительство Балканского шелкового пути, в: *Релизах Юго-Восточной Европы*, 57 Jg. N 4–5.
- Фонд Бертельсмана, издатель** (2016 г.): *Transformation Index 2016*, Гютерсло.
- Бланк, Стивен** (2015 г.): Шелковые пути Китая и стоящие перед ними вызовы, *аналитический материал по Центральной Азии и Кавказу* 7.1.2015; <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13119-chinas-silk-roads-and-their-challenges.html> (посещение сайта 06.03.2017 г.)
- BP (British Petroleum)** (2017 г.): Статистический обзор мировой энергетики BP, 66-е издание, июнь.
- Браун, Рэчел** (2016 г.): Куда приведет новый Шелковый путь? Воздействие китайских инвестиций и миграции в Синьцзяне и Центральной Азии; *Журнал «Политика и общество»*, издание 26, № 2.
- Бжезинский, Збигнев** (1998 г.): интервью Бжезинского для *Le Nouvel Observateur*, 15–21 января 1998 г., Гиббс, Дэвид Н.: Афганистан: советское вторжение в ретроспективе; *Международная политика* 37, № 2 (2000 г.); http://dgibbs.faculty.arizona.edu/brzezinski_interview (посещение 30.10.2017 г.)
- (2001 г.): *Единственная мировая держава: Американская стратегия превосходства*; Франкфурт-на-Майне.
- Бюро группы управления для «Нового шелкового пути»** (2017 г.): Новая инициатива «Один пояс – один путь»: концепция, практика и вклад Китая; Пекин.
- Кабальеро, Рикардо/Хоши, Такео/Кашьяп, Анил** (2008 г.): Зомби-кредитование и депрессивная реструктуризация в Японии, *American Economic Review*, том 98, № 5.
- Кай, Питер** (2017 г.): *Понимание китайской инициативы «Один пояс – один путь»*, Сидней (Институт международной политики Лоуи).
- Камманн, Александр** (2017 г.): Шелк, чума, нефть. Все приходит из Азии: Питер Франкопан хочет изменить наш взгляд на мировую историю с помощью «Света с Востока», *Die Zeit*, 3.1.2017 г.
- Каротерс, Томас** (2002 г.): Конец парадигмы перехода; в: *Journal of Democracy*, том 13, издание 1.
- Колье, Пол** (2017 г.): C-Word: *Литературное приложение Таймс*, 11.7.2017 г.; <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/corruption-paul-collier/> (посещение 8.11.2017 г.)
- Кули, Александр** (2017): *Чьи правила, чья сфера? Российское управление и влияние в постсоветских государствах*; Вашингтон, округ Колумбия; Фонд Карнеги за международный мир; <http://carnegieendowment.org/2017/06/30/whose-rules-whose-sphere-russian-governance-and-influence-in-post-soviet-states-pub-71403> (посещение 7.7.2017 г.)
- Кули, Александр/Хитершо, Джон** (2017 г.): Диктаторы без границ. Власть и деньги в Центральной Азии; Нью-Хейвен и Лондон.
- Кордова, Армандо** (1973 г.): *Структурная неоднородность и экономический рост*, Франкфурт-на-Майне.
- Корнелл, Сванте Е./Энгвалл, Йохан** (2017 г.): ЕС и Центральная Азия: расширение экономического сотрудничества, торговли и инвестиций; *Аналитик по Центральной Азии – Кавказу, тематические статьи*, 6.9.2017 г.; <https://www.cacianalyst.org/publications/feature-articles/item/13465-the-eu-and-central-asia-expanding-economic-cooperation-trade-and-investment.html> (посещение 7.10.2017 г.)
- Дейв, Бхавна** (2014 г.): Облегчение работы для трудовых мигрантов из Казахстана; *ОДР (открытая демократия России и Евразии)* 19.9.2014 г.; <https://www.opendemocracy.net/od-russia/bhavna-dave/making-work-easier-for-kazakhstan%E2%80%99s-migrant-workers> (посещение 10.10.2017 г.)
- Диман, Ойген/Тосато, Гульельмо** (2017 г.): Причины и следствия коррупции: чему нас научили исследования прошлого десятилетия? Опрос; *Мюнхенский личный архив RePEc*; <https://mpr.ub.uni-muenchen.de/76445>.
- Генеральный директорат по внешней политике/департамент политики** (2016 г.): *Реализация и обзор стратегии ЕС в отношении Центральной Азии: Рекомендация для действий ЕС*; Брюссель.
- ЕБРР** (Европейский банк реконструкции и развития) (2016 г.): *Отчет ЕБРР о переходном периоде 2015–2016 г. Перераспределение финансов*; Лондон.
- ЕСFR** (Европейский совет по международным отношениям) (2017 г.): *Китай и Средиземноморье: открыты для бизнеса?*, ЕСFR/219, июнь.
- Европейское Сообщество** (2007 г.): *Документ о региональной стратегии помощи Центральной Азии на период 2007–2013 гг.*; Брюссель.
- Европейский парламент** (2016 г.): *Осуществление и обзор стратегии Европейского Союза в отношении Центральной Азии: Рекомендации для действий ЕС*; 29.1.2016 г. [www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO_IDA\(2016\)535019](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO_IDA(2016)535019) (посещение 16.01.2017 г.)

Фолкингем, Джейн (2005 г.): Конец американских горок? Рост, неравенство и бедность в Центральной Азии и на Кавказе; *Социальная политика и управление*, том 39, № 4.

Фливиборг, Бент/Санстейн, Кассс Р. (2016 г.): Принцип неблагонамеренной невидимой руки; или Ошибка планирования в широком смысле слова; *Социальные исследования*, том 83, № 4.

Франкопан, Питер (2016 г.): *Шелковые пути. Новая история мира*; Лондон.

Freedom House (2017 г.): *Страны в переходном периоде, 2017 г. Ложное обещание популизма*; <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2017> (посещение 12.01.2018 г.).

Гъяси, Ричард/Чжоу, Цзяи (2017 г.): *Один пояс – один путь: рассмотрение последствий для безопасности и перспективы сотрудничества между ЕС и Китаем*; Солна (СИПРИ/Фонд им. Фридриха Эберта).

Годехардт, Надин (2011 г.): «Явление Китая миру – китайская внешняя политика между притязаниями и действительностью» *GIGA Focus*, № 1.

Годехардт, Надин/Коленберг, Пол (2017 г.): *Новый Шелковый путь: как Китай добивается силы дискурса*; SWP 18.5.2017 г.

Годемент, Франсуа/Крац, Агата (редактор). (2015 г.): «Один пояс – один путь»: большой скачок Китая; Анализ Китая, Европейский совет по международным отношениям, июнь 2015 г.; www.ecfr.eu/publications/C355 (посещение 07.12.2016 г.).

Гомперт, Дэвид С./Севальос, Астрид Стут/Гарафола, Кристина Л. (2016 г.): *Война с Китаем. Размышляя о немыслимом*, Санта-Моника, Rand Corporation.

Хэнкок, Том (2017 г.): Китай опоясывает мир стратегией «Один пояс – один путь»; *Financial Times*, 4.5.2017 г.; <https://www.ft.com/content/0714074a-0334-11e7-aa5b-6bb07f5c8e12> (посещение 22.09.2017 г.).

Хеммингс, Джон (2017 г.): «Возрожденный четырехугольник для сдерживания Китая», *Интерпретер* 9.11.2017 г.; <https://www.lowyinstitute.org/the-interpret/reborn-quadrilateral-deter-china> (посещение 30.11.2017 г.).

Хонг, Чжао (2016 г.): *Китайский «Один пояс – один путь»: обзор дебатов*, Сингапур ISEAS – Институт Юсофа Ишака (Тенденции в Юго-Восточной Азии, № 16).

Хорват, Балаш (2016 г.): *Определение дивидендов развития в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Взаимодополнение и синергизм между инициативой «Один пояс – один путь» и Целями устойчивого развития*; ПРООН/CCIEE https://issuu.com/undp-china/docs/undp-ch-bri_2017_scoping_paper1 (посещение 10.5.2017 г.).

Сюй, Сара (2016 г.): Энергетическая нестабильность Китая проявляется в споре вокруг Южно-Китайского моря; *Форбс* 2.09.2016 г.

Джексон, Джеймс К. (2017 г.): *Прямые инвестиции США за рубежом: тенденции и актуальные проблемы*, 29 июня 2017 г. (Аналитическая служба Конгресса); <https://fas.org/sgp/crs/misc/RS21118.pdf> (посещение 10.10.2017 г.).

Жак, Мартин (2009 г.): *Когда Китай правит миром: конец западного мира и рождение нового мирового порядка*, Нью-Йорк.

Крепиневич, Эндрю Ф. (2015 г.): «Как сдерживать Китай», *Foreign Affairs*; том 94, № 2, март/апрель.

Кучера, Джошуа (2014 г.): «The Narcostate», *Politico Magazine*, 27.2.2014 г.; www.politico.com/magazine/story/2014/02/tajikistan-the-narcostate-103886 (посещение 10.7.2017 г.).

Луманн, Никлас (1991 г.): *Социальные системы*, Франкфурт-на-Майне, 1991 г.; Зуркамп.

Макиндер, Хэлфорд Дж. (2004 г.): Географическая ось истории, *Географический журнал*, том 23, № 4 апрель 1904 г.; стр. 421–444; перепечатано в: *Географический журнал*, том 170, № 4.

Манкофф, Джеффри (2013 г.): *Соединенные Штаты и Центральная Азия после 2014 года*, доклад CSIS (Центр стратегических и международных исследований), январь; <http://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2017/06/Asia-Focus-36.pdf> (посещение 09.01.2018 г.).

Марблер, Пенелопа/Шан, Ли (2017 г.): Китайские инвестиции в инфраструктуру во всем мире; Институт международных отношений и стратегий (IRIS), *Asia Focus* № 36, июнь.

Менцель, Ульрих/Зенгхаас, Дитер (1986 г.): *Развитие Европы и третий мир. Осмысление событий*; Франкфурт-на-Майне.

Миллер, Том (2017 г.): *Азиатская мечта Китая*; Лондон.

Монтесано, Франческо Саверио/Окано-Хейманс, Маайке (2016 г.): *Экономическая дипломатия в отношениях ЕС-Китай: почему Европе нужен свой «Один пояс – один путь»*, Гаага (Институт Клингендала).

Муди-Стюарт, Джордж (1995 г.): Масштабная коррупция в третьем мире, *Курсбук* 120.

NDRC (Национальная комиссия по развитию и реформе)/Министерство иностранных дел/Министерство торговли Китайской Народной Республики с разрешения Государственного Совета (2015 г.): Видения и действия в отношении совместного строительства экономического пояса шелкового пути и морского шелкового пути 21-го века, Пекин, 28.3.2015 г.; http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (посещение 07.03.2017 г.).

Николсон, Роберт Лоуренс (2012 г.): *Центральноазиатская энергетическая геоэкономика и геополитика: стремление Центральной Азии к суверенитету и процветанию*, Техасский университет, Остин, 2012 г. (дисс.).

Нолен, Дитер/Нушелер, Франц (1982 г.): Что означает развитие? (Ред.): *Справочник третьего мира*, том 1, Гамбург; Гофман и Кампе.

Паннье, Брюс (2017 г.): Конец (газо)провода для Туркменистана; *Радио Свободная Европа/Радио Свобода* 6.3.2017 г.; <https://www.rferl.org/a/turkmenistan-gas-pipeline-china-berdymukhammedov-iran-russia/28353522.html> (посещение 7.3.2017 г.).

Паоли, Летиция/Рабков, Ирина/Гринфилд, Виктория/Рейтер, Питер Х. (2007 г.): Таджикистан. Подъем нарко-государства; *Журнал по проблемам наркотиков*, том 37, № 4.

Папава, Владимир (2009 г.): Посткоммунистический капитализм и современный мир мертвой экономики, *Бюллетень Национальной академии наук Грузии*, том 3, № 2.

— (2015 г.): Некроэкономика постсоветского постиндустриализма и модель экономического развития Грузии и России, журнал «*Бизнес и экономика*», том 6, № 5.

Пепе, Якопо Мария (2017 г.): Китайское вторжение в Центральную, Восточную и Юго-Восточную Европу. Региональные и глобальные последствия для Германии и ЕС; *Немецкое общество внешней политики DGAP – Анализ* 3.

— (2018 г.): *За пределами энергии. Торговля и транспорт в воссоединяющейся Евразии*; Висбаден.

Прадетто, Август (2012 г.): *Центральная Азия и мировые державы, или: ребята, участвующие в большой игре, отправились в путь*; Франкфурт-на-Майне.

Райс, Сьюзен (2016 г.): Объяснение стратегии восстановления равновесия президента Обамы; 5.9.2016 г.; medium.com/@ObamaWhiteHouse/explaining-president-obamas-rebalance-strategy-eb5f0e81f870 (посещение 10.10.2017 г.).

Роллан, Надеже (2017 г.): *Евразийский век Китая? Политические и стратегические последствия инициативы «Один пояс – один путь»*, Вашингтон (Национальное бюро азиатских исследований).

Роуз-Аккерман, Сьюзен (2001 г.): *Коррупция и правительства. Причины, следствия и реформы*, Мадрид.

Сакс, Джеффри Д./Уорнер, Эндрю М. (1995 г.): *Изобилие природных ресурсов и экономический рост*, рабочий документ 5398, Национальное бюро экономических исследований США (NBER).

Шэфер, Михаэль/Шен, Уие/Лёзекруг-Пьетри, Андрэ (2016 г.): Дипломатия с новыми средствами. Китай «Новый шелковый путь» Китая должен стать стратегическим приоритетом ЕС; *IP (Международная политика)*, январь/февраль.

Шиек, Себастьян (2017 г.): *Движение по Шелковому пути. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» как стимул для межгосударственного сотрудничества и реформ на границах Центральной Азии*; Берлин (SWP).

Шамбо, Дэвид (2016 г.): Преодоление конфликтного Китая; то же (ред.): *The China Reader. Восходящая сила*; Нью-Йорк, издательство Оксфордского университета.

Старр, С. Фредерик/Корнелл, Сванте Э. (ред.) (2014 г.): *Большая стратегия Путина: Евразийский союз и его раздражающие факторы*, Вашингтон (Университет Джона Хопкинса).

Штайнбок, Дэн (2017 г.): «Один пояс – один путь» полностью затмевает план Маршалла, *ValueWalk* 16.5.2017 г.; <http://www.valuewalk.com/2017/05/obor-2/> (посещение 8.11.2017 г.).

Штайнер, Эдуард (2016 г.): Россия отправляет домой миллионы иммигрантов; *Die Welt*, 7.6.2016 г.; <https://www.welt.de/wirtschaft/article156018716/Russland-schickt-Millionen-Einwanderer-nach-Hause.html> (посещение 10.10.2017 г.).

Тен Бринк, Тобиас (2013 г.): Экономическое регулирование в Китае. Возможности и пределы потенциала государственного управления при нелиберальном капитализме; *Современное государство – Журнал «Общественная политика, право и менеджмент*, 6-е издание, № 1.

The Economist (2012 г.): Зависимость: героин стабилизирует бедную страну, *The Economist*, 21.4.2012 г.

— (2016 г.): Наши бульдозеры, наши правила. Внешняя политика Китая может коренным образом изменить значительную часть мировой экономики; *The Economist* 2.7.2016 г.

— (2017 г.): Что такое китайская инициатива «Один пояс – один путь»? Многочисленные побудительные причины, стоящие за ключевой внешней политикой Си Цзиньпина, *The Economist*, 15.5.2017 г.

Всемирный банк (2011 г.): *Использование диаспоры для развития в Европе и Центральной Азии*; сентябрь.

— (2016 г.): Миграция и переводы средств. Последние события и перспективы; *Migration and Development Brief* 26, Вашингтон, апрель; <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/24012> (посещение 6.3.2017 г.).

— (2016 г. а): *Справочник по миграции и переводам средств 2016 г.* Третье издание; <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23743> (посещение 10.10.2017 г.).

Трипати, Анураг (2012 г.): *Казахстанско-китайские отношения, 1991–2009 гг.*; Нью-Дели (Дисс. Университет Джавахарлала Неру).

Трумэн, Эдвин М. (2016 г.): Сложные проблемы управления, в: (Симеон Джанков/Син Майнер (ред.): *Инициатива Китая «Один пояс – один путь». Мотивы, объем и вызовы*; PIIE (Институт международной экономики Петерсона) Брифинг 16-2, Вашингтон.

ЭСКАТО ООН (2017 г.): *Достижение целей устойчивого развития в Северной и Центральной Азии*; Бангкок, 2017 г.

Фон Сёст, Кристиан/Грауфогель, Юлия (2015 г.): Как недемократические режимы заявляют о своей легитимности? Сравнительная информация из постсоветских стран; Гамбург; *Рабочие документы GIGA*, № 277; <http://giga.hamburg/de/publication/how-do-non-democratic-regimes-claim-legitimacy-comparative-insights-from-post-soviet> (посещение 6.3.2017 г.).

Уокер, Шон/Нарделли, Альберто (2015 г.). Кризис российского рубля представляет угрозу для девяти стран, которые полагаются на денежные переводы, *The Guardian*, 18.01.2015 г.

Ван, Жувей (2015 г.): *Обеспечение энергетических потоков из Центральной Азии в Китай и актуальность Договора к Энергетической хартии для Китая*, Брюссель (Секретариат Энергетической хартии).

Уилсон, Гэвин Э.Р. (2016 г.): Вызов: может ли смешанное финансирование увеличить масштабы и устойчивость финансирования в целях развития; *ОЭСР: Отчет о сотрудничестве в целях развития за 2016 г.: Цели устойчивого развития как возможности для бизнеса*; Париж.

Винтер, Чарли (2017 г.): *Война террористов-смертников. Статистический анализ индустрии мученичества «Исламского государства»*, исследовательский документ ICST (Международный центр по борьбе с терроризмом); февраль

Рабочая группа по коррупции и безопасности (2014 г.): *Коррупция. Непризнанная угроза для международной безопасности*; Вашингтон (Фонд Карнеги за Международный мир).

Йелери, Аравинд (2014 г.): *Политика «выхода» Китая: внутринациональные экономические траектории*, ICS (Институт китайских исследований, Дели) Анализ № 24.

Эмиль Кок-Хэн Е (2009 г.): «Возрождение и трансформация Китая», то же (Ред.): *На пути к «Китайскому миру»? Подъем и трансформация Китая: воздействие и последствия*; Куала-Лумпур.

Чжан Дун Дун (2016 г.): *Разработка и реализация политики «Один пояс – один путь»*; серия рабочих документов EABER (Восточноазиатское бюро экономических исследований, Австралийский национальный университет); документ № 126, Канберра.

Об авторе

Дитмар Димозер изучал политологию, историю и германскую филологию, а также социологию теорий развития в докторантуре. В 1990 году, после работы в качестве внештатного журналиста и преподавателя университета, он пришел в Фонд им. Фридриха Эберта, где руководил проектами в Перу, Мексике, Кубе, Венесуэле и на Балканах. Был руководителем издательства и журнала *Nueva Sociedad* (1998–2005 гг.) и главным редактором журнала «*Международная политика и общество*» (2005–2010 гг.). До конца 2017 г. работал три года в штаб-квартире Фонда им. Фридриха Эберта, занимаясь проблемами Центральной Азии и Южного Кавказа. В настоящее время он является внештатным консультантом и публицистом.

Выходные данные

Фонд им. Фридриха Эберта | Отдел Центральной и Восточной Европы | Германия | 10785 Берлин | Хирсштрассе, 28

Ответственный сотрудник:
Маттиас Джобелиус, руководитель отдела Центральной и Восточной Европы

Тел.: +49-30-269-35-7740 | Факс: +49-30-269-35-9250
<http://www.fes.de/international/moe>

Заказы / Контакты:
Kristina.Schatz@fes.de

Коммерческое использование опубликованных Фондом им. Фридриха Эберта (FES) медийных материалов без предварительного письменного разрешения FES не разрешается.

Мнения, выраженные в этой публикации, не обязательно совпадают с мнением Фонда им. Фридриха Эберта.

